

Андрей Ермолин

**КРУПИЦЫ МАГИИ.
КАЖДЫЙ САМ
ЗА СЕБЯ**

Фэнтези

Андрей Сергеевич Ермолин
Крупницы магии. Каждый
сам за себя. ФЭНТЕЗИ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19395546

ISBN 9785447499624

Аннотация

Магия ушла из мира, лишив чародеев силы, влияния. Чтобы выжить, колдуны осушают собратьев ради крупницы магии, которая хоть ненадолго продлит жизнь. Смогут ли они объединиться и вернуть часть былого величия или канут в историю?

Содержание

Пять незнакомцев	5
Зверь внутри	23
Вкус мести с привкусом пепла	43
Попутчики	49
Трактир неподалеку	59
Кровь на эфесе	79
Разговор по душам	90
Каменка	96
Выпью до дна	116
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Крупницы магии. Каждый сам за себя ФЭНТЕЗИ

Андрей Сергеевич Ермолин

© Андрей Сергеевич Ермолин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Над деревней ярко светила луна. Ее серебристые лучи покрывали спящие дома. Где-то лаяла неугомонная собака. Было спокойно, безветренно. Лишь над лесом, раскинувшимся за заболоченной рекой, пролета сова, громко угукував.

Деревня спала. Слабый свет лился лишь из одного окна двухэтажного дома, крытого соломой. Именно около этого дома и лаяла дворняга, рыча на незнакомцев, что вошли в дом.

Те появились под вечер. Было их пятеро. Пес сразу же почувствовал кровь, намертво впитавшуюся в их серые одежды. От незнакомцев веяло опасностью и дворняга спряталась в будку при их приближении, тихо рыча из темноты. Теперь же они сидели в хате и можно было не прятаться... до поры до времени.

Пять незнакомцев

Кто есть маг?

Сущность одаренная али оболочка проклятая?

Ангел ли во плоти иль порождение темное?

За большим столом молча сидели шесть человек. Тот, что во главе – староста. Выглядел он напряженным. Глаза подозрительно скользили по путникам.

Среди пятерых можно было выделить главного. Усатый, крепкий, коротко стриженный лет эдак сорока. Только он-то и представился старосте при встрече, назвавшись Олегом. На кожаном поясе у него был меч, как впрочем, и еще у троих. Лишь один был безоружен, по крайней мере на первый взгляд. Выглядел безоружный старше всех. Его поседевшая борода хорошо сочеталась с седеющими волосами на голове, доходящими старику до плеч. Но староста не дал себя так просто обмануть – старик ходил ровной поступью да и чувствовалась в нем энергия...

От каждого из пятерых отдавало чем-то нехорошим. Когда они вошли в дом, то в воздух тут же потяжелел, стал, словно бы, густым.

Об остальных староста ни чего конкретного сказать не мог. Сидели они тихо, но не замкнуто. Плечи были расправлены, спины прямые, на головах капюшоны от накидок.

Староста хотел было укорить их за то, что сидят в головных уборах за столом, но что-то его остановило, пусть он и был хозяином хаты.

Молчание затянулось. Три свечи успели изрядно уменьшиться в размерах, пока в полумраке не отворилась дверь. Пахнуло щами, хлебом и пивом. Жена и дочь старосты – обе русые – накрывали на стол, с опаской посматривая на путников и тут же отводя глаза к полу.

– Все, не мешайте, бабы! – нервно буркнул староста, видя, что они встали у дверей. Мать с дочерью тут же поспешили вниз.

– Ешьте, – сухо сказал он, пододвигая плошку щей.

Повторять не пришлось и вскоре с щами и хлебом было покончено. Пришло время темного пива.

– Сразу хочу вам сказать, – неожиданно и словно бы стараясь проговорить, как можно быстрее, заявил староста, осматривая прищуренными глазами незнакомцев. – Магикив среди нас нет! Слышал, что охочие вы до детей-магикив. Можете не искать! Да и по деревне шибко-то не шастайте... незачем людей-то пугать! А то, что вы чародеи, мне талисман подсказал. Сразу говорю, а то подумаете еще чего...

– Ладно, – пробасил Олег, отставляя кружку пива. – Благодарим за еду. Говори, Вячко, что у вас тут произошло? Зачем посылал за нами?

Староста поежился на табуретке, пригладил редкие волосы на голове и еще раз осмотрев незнакомцев заговорил:

– Завелось тут неладное... Еще с зимы. В лесу, что за речкой, бродит чудище...

– Чудище? – спокойно спросил Олег, поднимая кружку с пивом. – И какое же?

– А такое! – фыркнул Вячко, видя, что главарь отнесся к его словам несерьезно. – Выворотень, аль оборотень! Человек в волчьем обличи!

Никто из пятерых не подал и знака заинтересованности или волнения.

– Убил этот выродок трех мужиков, – продолжил староста. – Раскромсал на части тех, что в лес по дрова пошли.

– Сразу троих? – спросил беловолосый старец голосом ровным и мягким.

– Поочередно. – Вячко глотнул пива, посмотрев на голубоглазого старика. – Одного зимой, другого – весной, а третьего – три дня тому назад.

– Похоронили? – безразлично спросил Олег. – Последнего-то?

Староста вновь поежился на табурете, словно под зад ему насыпали гороха.

– Завтра его земле придадут.

– И девять дней не ждете? – едва заметно удивился старик, приподняв бровь.

– Подождали бы, – буркнул Вячко, – вот только брюхо у него разодрано и гнить он начал. А вонь стоит...

– Пятьдесят гривен мы за твоего выворотня возьмем, –

перебил Олег старосту. – Не больше ни меньше. Если нет, то иди его сам лови.

Староста ни как не ожидал такого резкого обращения к себе и видно было, как щеки его от злости чуть пыхнули жаром. Олег провел рукой по усам и вновь отхлебнул пива.

– Слышал я, что с вами связываться себе дороже, – выдавил Вячко, зыркнув на пятерых незнакомцев. – Пригласил я вас к себе в хату, накормил, напоил, а вы ко мне без уважения да и цену рубите такую...

– Нам, – вновь перебил Олег старосту, – до твоего оборотня дела нет. Либо платишь, либо сам за ним гоняешься. Завтра, как раз полнолуние.

– Хрен с вами, заплачу, – зло оскалился Вячко желтыми зубами. – Да вот только заплачу, когда притащите мне того выродка.

– Живого? – усмехнулся Олег. – Может тебе его на поводке привести и вместо собаки на цепь посадить? Аль сразу в хату запустить? Можем и так, только подороже будет в два-три раза.

Староста вскочил с ненавистного табурета, зло глянув на Олега и его братию. В глазах его боролся страх и злость.

– Имейте уважение! – грохнул он кулаком по столу отчего пиво в кружках чуть подпрыгнуло. – В моем доме вы! И я тут хозяин. А ежели угрожать вздумали, то не на того напали. Я-то жизнь пожил и не таких крутых видел!

Было понятно, что его понесло, толи от страха, толи

от злобы, и останавливаться он не соби́рался.

– Принесете мне башку того выворотня и тогда деньги получите, а ежели нет, то...

– То что? – поднялся Олег. – Палками нас из деревни своей погоните? Или собак спустите? А может на кострах спалите?

Вновь воцарилось молчание. Испарина на лбу старосты переливалась в мерцании свечей. Стоило признать, что был он и впрямь, не робкого десятка. Долго смотрел на Олега чуть задрав голову, ведь тот был выше и шире. Все же сел, стерев со лба пот. Казалось, что теперь он готов заплатить не за выворотня, а за Олега и его шайку.

– Раз так, – разрядил тишину беловолосый старик. – Принесем тебе доказательство выполненной работы. Не бычься. А теперь пойдём мы.

– Куда же? – спросил Вячко, всем видом показывая, что на ночлег не оставит.

– Не твое это дело, староста, – ответил старец. – Не забудь приготовить плату.

Не успел тот что-либо сказать, как все пятеро встали, звякнув оружием и направились к выходу. Вячко поспешил за ними, решив, что лучше их из вида не упускать. Пятерка быстро спустилась с лестницы, окунувшись в полумрак. Староста уже подумал, что сейчас в потемках что-нибудь перевернут, но не скрипнула ни одна половица, а путники уже взяли свои мешки и дверь за ними захлопнулась.

Пес сидел в будке. Его тихое рычание было слышно, наверное, только ему самому. Вскоре скрипнула калитка и путники растворились в разжижаемой лунным светом тьме. Выбравшись на двор, пес еще пару раз пролаял незнакомцам в спину, после чего свернулся на земле и уснул.

Костер тихо потрескивал около реки. Перейти реку, пожалуй, можно было в любом месте, не замочив одежды выше пояса. Речушка была заболочена и, казалось, с каждым часом течение ее становится все медленнее. Все это привлекало к ней большое количество лягушек, а вместе с ними щук и еще цапли прохаживались, задирая ноги-пруты.

Пятерка остановилась около развалившегося моста под раскидистой ивой. Часть моста держалась на двух полу-сгнивших столбах обросших мхом и перейти по нему безопасно могла лишь кошка или кто-то такого же размера и веса.

Ива была старой и дров искать не приходилось, сухие ветки валялись вокруг могучего ствола и их оставалось лишь подбрасывать на съедение пламени.

– Не похоже на оборотня, – нахмурился Олег, вороша палочкой угли. – Что думаешь, Громобой?

– Ясное дело, – кивнул старик, пальцами разглаживая седую бороду. – Три дня назад порвали последнего бедолагу, а полнолуние, как ни как, завтра. Да и про сожранное сердце он ни слова не сказал. А оборотень сердце жертве не оста-

вит. Всего трех загубил за полгода-то... Маловато. Про собак подранных не упоминал да и про следы ни слова. Ежели оборотень завелся рядом с деревней, то уж он устроит кровавую резню. Первым делом собак задерет, потом пьяниц, что по канавам в ночи валяются, а коли легкой жертвы не найдет, то и в хату влезть может... Дверь ему не помеха... Странный этот Вячко. Крутит он нас.

– И мне так показалось, – согласился Олег.

Он отвлекся на тонкий звук.

– Снова меч точишь, Дакша? – спросил он разворачиваясь. – Как тебе этот староста?

Дакша поднялся, меч его описал в воздухе окружность и ярко сверкнул в свете костра. убрав меч в ножны, а точильный камень в сумку, он подошел к костру.

– Что толку вы меня спрашиваете? В прошлый раз к моему совету не прислушались и что? Теперь за нами идут. Хотя, не за нами, а за нашими головами.

Воцарилось молчание. Олег едва заметно повел плечом, продолжая ковыряться в оранжевых углях.

– А ты думал я стану терпеть когда меня перед людьми выставляют чем-то вроде дерьма? – поинтересовался он, едва заметно оскалившись.

– Я думаю, что не нужно было офицера городской полиции кинжалом в живот тыкать, – ответил Дакша.

В свете костра его лицо было хорошо видно. Лет около тридцати, светлые волосы, закрывающие уши, голубые гла-

за, густые брови. Подбородок Дакши был маленьким, заросшим темной щетиной, как и впалые щеки. Лицо было худым, сам же он не был излишне широк в плечах, но крепость видна была по мощным рукам и крепкой шее.

– Что было то прошло, – широко улыбаясь, подсел к костру Власка. – Ты, Дакша, слишком уж принципиален, как посмотришь. То девку не тронь, то офицера не пырни... Будь проще.

Дакша посмотрел на круглолицего Власку, улыбка с лица которого не сходила очень редко, а рыжая борода и волосы придавали его физиономии схожесть со свежеиспеченным блином.

– Проще? – хмыкнул Дакша. – Проще некуда. Ладно, если насчет оборотня, то не похоже это на вывертыша. Я соглашусь со всем, что сказал Громобой. Но на всякий случай схожу завтра пройду по деревне, да лесу. Погляжу на труп, может чего и узнаю. Но задерживаться нам не стоит, а то могут нагнать.

– Могут, – кивнул Олег, переламывая ветку пополам и выбрасывая ее в костер. – Но кто знает кому хуже будет.

Вновь воцарилась тишина, лишь догорающий костер тихонько потрескивал в темноте, иной раз стреляя маленькими угольками. Больше ни кто ни чего не говорил. Каждый думал о своем. Вскоре Громобой тихо встал, что-то пробурчал в бороду и примостив мешок с пожитками к корням ивы улегся на него. Власка последовал его примеру, а следом уснул

и Олег, выбрав спальное место вблизи огня. Гришка тоже спал громко храпя. Дакша посидел у костра еще с пол часа, после чего подложил мешок под голову и уснул.

Поднялся Дакша рано. Солнце еще не выглянуло из-за леса. Со стороны реки слышались всплески воды. Олег, Громобой и Власка еще спали.

Потянувшись, Дакша побрел к реке, где стоя по пояс в воде плескался Гришка.

– Доброе утро, – поздоровался он с умывающимся.

Гришка кивнул головой, т.к. сказать ни чего он не мог – был немой.

Дакша уселся на траву, стягивая кожаные сапоги, доходящие до середины голени, скинул штаны из грубой ткани, накидку с капюшоном и серую рубаху, после чего зашел в холодную воду. Река хоть и была точно болотце, но в нее, вероятно, втекало много ключей от чего вода была прохладной. Умывшись, как следует и разбудив дружными с Гришкой всплесками воды остальных, он оделся и пошел собирать ветки для костра.

Вскоре костер разгорелся и вода в котелке закипела. Из сумок достали хлеб, колбасу, сало, соль. В кипящую воду добавили чай.

Завтракали неспешно, Олег с Громобоем о чем-то переговаривались, Гришка сытно рыгал, вновь разваливаясь на траву, чтобы еще с полчасика полежать, Власка ковырялся тра-

винкой в зубах.

– Ладно, – поднялся на ноги Дакша, поправляя меч на поясе. – Пойду до деревни, посмотрю на труп, да поспрашиваю кто чего видел.

– С тобой пройдуся, – поднялся на ноги Громобой. – Люблю утреннюю деревню.

Дома располагались от реки в каких-то ста метрах. Рубленые хаты с соломенными крышами. Единственный двухэтажный дом был у старосты, остальные же были похожи друг на друга, как близнецы. Отличались лишь утварью во дворах, заборами, да сараями.

Деревня просыпается рано и когда Дакша и Громобой вошли в улочку, то крестьяне уже были на ногах. По дороге попалась пара свежих коровьих лепешек, говорящих о небольшом стаде, выведенном пастухом в поля. Где-то кудахтали куры. На заборе сидел кот внимательно смотря на незнакомцев. В одном из дворов молодая девушка вешала белье сушиться. Увидев старика и мужчину она вытерла лоб тыльной стороной ладони и стала смотреть на них так же внимательно, как и кот с забора.

Чуть дальше по улице играла детвора, но при приближении незнакомцев мужичок живо загнал детишек во двор, после чего запер и калитку.

– Будь здоров, – махнул Дакша ему рукой. – Где дом с умершим?

Видя, что мужичок от такого вопроса попятился, Дакша

поспешил добавить:

– Не бойся, ты! Нас нанял Вячко. Так где хата?

Мужик махнул в дальнюю часть деревни и живо убрался в дом вместе с оравой мальцов.

– Не жалуют нас здесь, – кисло усмехнулся Громобой, проведя по бороде рукой.

– А с чего бы? – удивился Дакша, продолжая идти по длинной улочке деревни, заворачивающей около большого валуна налево. – Для них мы чужаки, а я и вовсе чужак с оружием. От таких крестьянам добра не бывает, вот и прячутся по хатам, точно мыши от кошки. Только Вячко нас принял, даже накормил. Видать не впервой ему таких путников принимать.

– На то он и староста, – пожал плечами Громобой.

Вскоре они добрались до дома, где стояло ни как не меньше двадцати человек. Бабы были в черных платках, мужики сгрудились в стороне, покуривая трубки и тихо переговариваясь. Путников завидели не сразу.

– Приветствую, – негромко сказал Дакша, подойдя к мужикам.

– Здравов, коль не шутишь, – покосился мужичок с красным от пьянки носом. Чего надобно? Да еще и с железякой.

– Нанял нас Вячко, – поздоровался кивком головы Громобой. – Хочет чтобы мы избавились от чудища, что в лесу обитает.

– А нам какое дело? – недобро спросил красноносый. –

Не мы ж вас нанимали.

– Не волнует тебя жизнь сельчан? – отступая на шаг от нестерпимого перегара, спросил Дакша, невзначай положив руку на рукоять меча. От глаз красноносого и его односельчан, что стояли рядом, этот жест не скрылся. – Кем было покойный?

– Ты коли чего хочешь узнать, то иди у других и спрашивай! – заявил пьянчужка, теснясь к мужикам, недобро поглядывающих на незнакомцев. – Вон! Идет Вячко, мать его...

Двери хаты со скрипом отворились и первой выбрела дряхлая бабка в черных одеяниях и с иконой в руках. Шла она медленно, опустив голову на грудь, тихо проговаривая молитву. Шагах в десяти от нее две молодые крестьянки выкладывали на пыльной дороге еловые лапы. Вскоре из дверей появился и гроб, сколоченный из разномастных досок. Гроб несли четверо крепких парней, удерживая его на плечах. В хвосте процессии шли скорбящие – средних лет баба, молодой юнец, шмыгающий носом и какие-то родственники.

Гроб был открыт, но роста Дакши хватало лишь на то, что бы видеть бледное лицо покойного с синяком под глазом, который ярко выделялся на белесом лице.

– Синяк? – едва слышно спросил сам у себя Громобой. – Может ударился обо что-то, когда чудище напало?

– Может и так, – хмыкнул Дакша, не сильно-то веря в услышанную догадку.

– Чего вам здесь надо? – подошел к ним староста, шипя, точно змея. Видимо, в честь похорон он даже зачесал редкие волосы на правую сторону, что лишь сильнее вычерчивало его лысину. – Мы односельчанина хороним, а вы тут, как бельмо на глазу! Идите, ловите вывертыша!

– А с чего ты решил, что его оборотень убил? – спросил Дакша, не обращая внимания на недовольство старосты. – Видел кто то чудовище?

– Брюхо у него распорото! – прошипел Вячко. – Ночью... в лесу!

– И часто вы по ночам в лес ходите? – все так же спокойно спросил Дакша. – Иль заведено так у вас в деревне?

Староста явно смутился, но тут же овладел собой, зыркнув прищуренными глазами на не отступающих незнакомцев.

– Не мое дело, куда он по ночам ходил. Ходит и ходит – не мое дело.

Громобой продолжал поглаживать бороду, рассматривая старосту и пьянчугу, примостившегося у того за спиной.

– У нас тут похороны, – буркнул красноносый из-за спины. – Шли бы вы отсюда и дали бы проститься с мужиком.

– Нам бы на труп взглянуть, – медленно проговорил Громобой. – По ранам много чего понять можно. Так, одним глазком.

Староста аж покраснел от негодования. Щеки раздулись, ладони сжались в кулаки. Походило на то, будь то он креп-

кого самогона хватанул.

– Ах вы, ироды! – не выдержал он, наступая на Дакшу и Громобоя. – Может еще в его кишках при жене да детях поковыряетесь?!

Толпа выходящая из дома замерла, даже двое несущих гроб молодцев дружно глянули в сторону взбесившегося Вячко. Вдова и шмыгающий паренек также затихли, взглянув на негодяев, устраивающих в такой момент разборки.

– Безбожники! – не стесняясь в громкости, взревел староста, продолжая наступать на отходящих Дакшу с Громобоем. – Все ваше племя – богопротивные создания!

– Успокойся, Вячко! – резко остановился Дакша, не опуская руки с рукояти меча. – Хороните односельчанина. Мои соболезнования, – поклонился он заплаканной вдове.

Похоронная процессия двинулась дальше только тогда, когда незнакомцы свернули у валуна направо, скрываясь за заборами и густыми кустами черной рябины.

– Понять-то можно, – сказал Громобой, срывая покрасневшие ягоды крыжовника с куста, что разросся около забора и заманивал склонившимися к траве ветвями. – Пришли не весть откуда, в доме нахамили, теперь еще и покойника просим поглядеть. Понятное дело, что староста не выдержал. Видел, как напирал-то? Ей богу, я уж думал ты его сейчас на задницу посадишь! – усмехнулся белобородый.

– А ведь хотелось, – покачал головой Дакша. – Не нравится мне это Вячко... да и пьянь та неприятна.

– Такова уж пьянь – воняет и досаждает! – с набитым ртом пробубнил Громобой. – Но делать-то с этим чудищем что-то да надо. Взались мы за kota в мешке.

– Пойдем, – предложил Дакша. – Надо бы еще в лес до обеда сходить, а как приду, так и будем думать. Либо этой ночью невидаль прибьем, либо с утра уходить надо. Целый день на месте – не дело.

В лагере, около ивы, сидел лишь Власка, выстрагивая небольшим ножиком прутик. Олег и Гришка куда-то подевались.

– Чего разузнали? – с всегдашней улыбкой спросил Власка.

– Ни хрена, – ответил Дакша, усаживаясь рядом. – Тело нам осмотреть не дали. Только старосту опять вывели из себя.

– А я вот с семьями убиенных поговорил, – придиричиво осмотрел прутик Власка.

– Узнал чего? – поинтересовался Громобой, отпивая из фляжки пива.

– А как же! – расчесал Власка пятерней рыжую, всклокоченную бороду. – Вышло так, что все трое были друганами. И как ни странно не в ладах с Вячко...

– Совпадение?

– Может и так, – усмехнулся Власка, продолжая строгать прутик. – Не сам же староста их подрал? В нем сил-то, как

в пьяном дедке. Вышло так, что мужики выбредали по ночам из хат, а посла их разодранными в лесу за рекой находили. Все, как под копирку. Расспросил я и про раны на теле... Одному выжрали сердце и живот распороли. Другому просто брюхо распотрошили, а после его волки обожрали.

– Так может его волки-то и загрызли? – предположил Дакша. – С чего решили, что это оборотень?

– Следопыт тут у них старый есть, – пояснил Власка, отложив нож в сторону и пощупав игольчатый конец прута. – Его я в хате нашел. Она здесь, не далеко... практически на отшибе стоит. Так вот, он-то по ранам и определил, что сперва мужичка один зверь вспорол, а потом уж и волки за дело принялись. Так что, – улыбнулся он осматривая приятелей, – выворотень у нас.

Молчали долго, Громобой и Дакша обдумывали услышанное.

– А Олег с Гришкой куда подевались?

– Пошли лес осматривать, – указал Власка прутиком на ту сторону речушки.

– Если оборотень, – почесал Дакша поросший щетиной подбородок, – то нужна приманка.

– На живца ловить? – приподнял бровь Громобой. – В этой деревне скорее нас к дереву привяжут, чем самого паршивого негодяя в приманку дадут.

– Негодяй свой, а мы – чужие, – улыбнулся Власка.

– Свиныю бы нам, – задумчиво пробубнил Дакша.

– От свининки бы не отказался, – кивнул Громобой. – Поджареной на костре да с приправками и под пивко. Ух! Хорошая еда.

– Ага и хлеба свежеиспеченного, поддакнул Власка.

– Нет, – отрезал Дакша. – Свининка на костре хорошо, да только ее как приманку использовать надо.

– На выворотня? – усмехнулся Власка. – Ты скорей волков или медведя привлечешь.

– Слышал я, – не обратил Дакша внимания на недоверие, – что сердце свиньи схоже с человеческим. А для оборотня сердце, точно водка для алкаша.

– Пусть так, – согласился Громобой. – А где сердце свиное возьмешь? Деревенские свинью резать для нас не станут.

– Вячко порежет, – уверенно сказал Дакша. – Хоть и невлюбил он нас, но от оборотня страх, как избавиться хочет. Сходи, Громобой, к тебе он отнесется лучше, чем к нам.

– Схожу, раз так, – поднялся белобородый. – Надобно его поймать после похорон, а то поминки устроят и упьются.

Вскоре, после ухода Громобоя, пришли и Олег с Гришкой. Гришка тащил в руках какую-то тряпку. Через мост они лезть не рискнули и стащив сапоги, перебрались на берег, к иве.

– Ну точно! Выворотень! На до же! – фыркнул Олег, показывая на тряпку в руках Гришки. – Нашли в лесу. Эт тряпка раньше штанами была. Видимо не успел ублюдок стащить портки перед обращением. Ну, ночью надобно прибить

тварь, забрать гроши да идти дальше.

Все уселись около кострища. Олег и Гришка развалились на траве, подставив ярким солнечным лучам сушить промокшие штаны и слушая, что предлагает Дакша.

Выбора большого не было и пришлось согласиться на такой план. Гришка бросил сушить штаны и полез в мешок, доставая из него самострел и колчан с болтами. Власка аккуратно вытащил цепь с маленькими крючками в каждом звене. Расправил, встал и махнув ею над головой, зацепил ветку ивы толщиной в три пальца, резко дернув оторвал ее от ствола, довольно улыбаясь. Дакша извлек из ножен меч, положил на ноги и начал точить, хоть лезвие и было подобно бритве.

Зверь внутри

*Что в мир наш и без того грешный мага
сущность принесла?*

*Какие демоны и твари повылезали вместе
с ними?*

Полдень прошел в молчании, лишь разливался звук течения клинка над илистой рекой. Гришка смазывал самострел и проверял наконечники болтов. Власка же, оставив цепь в корнях ивы взял ранее заточенный прутик и направился вверх по течению реки, сказав перед уходом: «На ужин ждите деликатесы заморские!» Олег высушив штаны, натянул сапоги и начал разводить костер.

Громобой пришел ближе к вечеру. В руках он нес небольшую корзинку, укрытую сверху тряпицей.

– Вот тебе сердце, – вытащил белобородый из корзинки еще одну тряпицу, насквозь пропитанную кровью. Был сверток теплый даже горячий. Казалось, что сейчас мгновение и сердце вздрогнет в последнем спазме, но этого не произошло.

– То, что нужно, – принял Дакша кровавую тряпицу. – А это что еще за фляжка?

– Артериальная кровь свинки, – пояснил белобородый. – Поъем для пущего запаха.

– Ну, а вот это уж нам! – засиял Олег, вытаскивая со дна корзинки добрый кусок мяса с сочной прожилкой.

Деликатесов Власки ни кто ждать не собирался, особенно когда под носом лежала свежая свининка. Вскоре сухие дрова в костре выгорели и раскаленные угли иной раз выплевывали языками пламени. Олег бросил мясо прямо на угли. Дакша хотел было его обругать, но тот пояснил, что от подобной готовки мясо пропитается костром и будет невероятным на вкус. Громобой посыпал мясо какими-то приправами и достал фляжку пива, которая быстро пошла по рукам.

Начинало вечереть. Прилетели комары. Мясо приятно пахло. Затем появился и Власка. Пришел он, как ни как кстати – от аромата мяса текли слюнки и ему лежать нетронутым оставалось недолго. Все четверо с удивлением смотрели на рыжебородого, чей прутик в руке был унижен зелеными лягушками, а сам он промок до нитки и кое-где свисали с него водоросли. Деликатесами оказались лапки лягушек. Смех компании долетел, наверное, до деревни, а недовольные ругательства Власки и еще дальше. Выбросив нашпигованный пруток в воду, он уселся у костра, получая свою долю свинины, приправленную шуточками о заморских деликатесах.

С ужином было покончено, как и с фляжкой пива. Все начали готовиться к предстоящей охоте. Более не звучали шуточки да и разговоров особых не было, так – пара фраз по делу. Когда сборы были закончены, оружие проверенно, ремни за-

тянуты, то мешки с пожитками компания спрятала в камышах, поручив это дело Власке – ловцу жаб.

Перебравшись через реку и надев обувь, предварительно снятую с ног, они двинулись в чашу. Шли чуть разбредаясь в стороны. Между каждым было расстояния не меньше десяти шагов. Солнце едва выглядывало из-за деревни, светя охотникам в спины.

Дакша всю дорогу, от самой реки, оставлял кровавые следы из фляжки. Меч он держал наготове, зная о скорости оборотня и его нечеловечески быстрых рефлексах.

Шли долго, пока Олег не поднял руку, сигнализируя о том, что они на месте. Остановились на небольшой поляне в лесу. Дакша обошел ее вокруг, выливая остатки свиной крови на огромные лопухи, кусты папоротника и валежник. Лишь после этого он увидел выдранную молодую сосну, около которой стоял Олег и Гришка. На стволе дерева ярко выделялись полосы когтей. Борозды впивались глубоко в древесину и были они свежие – два-три дня – не более.

– Здесь-то портки мы и нашли, – пояснил Олег. – Примо-стырь-ка, Дакша, приманку, пора бы занимать позиции.

Не успел он закрепить сердце меж сухих сучков поваленного дерева, как сзади хрустнула ветка. Может для кого-то это и было неожиданным, но Дакша не потерял и мгновения, резко кувырнувшись в бок и выставив меч на звук. Но лицом к лицу встретился он вовсе не с оборотнем, а с щуплым мужичком, вскинувшему руки вверх, но явно не испугавшимся.

– Хорошая реакция, – поразился он, – точно у рыси.

– Легкая нога, – ответил Дакша, не убирая оружия. – Кто такой?

– Следопыт из деревни, – спокойно ответил мужичок.

Одет он был скудно – лапти, ветхая рубаха, поеденные молью штаны. Сам по себе он выглядел не лучше – тощий, высокий, чуть впалые глаза, хлипкая борода и такая же не густая шевелюра на голове. Оружия при нем не было. Лишь на поясе небольшой нож, скорей для того, чтобы срезать грибы, а ни как не для охоты или защиты.

Подоспели остальные, окружая следопыта.

– На выворотня охотитесь? – невинно спросил пришелец. – Не удивляйтесь, – улыбнулся он крепкими, но пожелтевшими зубами, – вся деревня об этом уж знает. А я, как никак следопыт и лес этот знаю, потому и нашел...

– Найти было не сложно, – перебил Дакша. – Кровавый след от самой реки идет. Верно?

– Да, – серьезно ответил следопыт. – На след я наткнулся и по нему пришел сюда... Вы магики, – сказал он неожиданно. – Давно магики стали ловить вывертышей?

– Послушай, – подошел к мужичку Олег, разгладив усы. – Закрой свою пасть, а потом повернись спиной. Надобно тебя связать.

– Думаете я и есть вывертыш? – искренне удивился следопыт. – Ну, связывайте.

– Ежели ты оборотень, – оскалился Власка. – То уж боль-

но дурной ты оборотень. Видишь того молодца, – указал он на Гришку с заряженным самострелом. Каждый миг в твою башку будет направлена стрела. Чуть подозрительное движение и... твоя мохнатая морда будет лежать на столе у сраного старосты.

Олег с силой завел руки следопыта за спину, от чего тот негодуяще буркнул, а после толкнул к середине поляны.

– Не оборотень говоришь? – усмехнулся Олег. – Значит приманкой будешь.

Власка помог Олегу связать следопыта по ногам.

– Верно о вас говорят, – прокряхтел мужичок. – Безбожники. Ни чего для вас не свято. Хоть бы и из честного человека наживку сделать. Сучьи вы дети!

Ответом был мощный пинок Власки ему в лицо. Тощий мужичок лишь нелепо крякнул и похоже, что потерял сознание, упав в траву.

Солнце скрылось, а тьма сгущалась. Каждый занял позицию, окружив поляну полукругом. Оборотень должен был придти по крови к приманке и тогда кольцо бы захлопнулось. Олег сидел за пнем поваленного дерева, держа клинок на ногах. Гришка забрался на нижнюю ветвь сосны; сидел тихо, не спуская глаз со следопыта, так и не пришедшего в себя. Власка спрятался в густых лопухах с цепью наготове. Дакша же прижался к большому стволу сосны, крепко сжимая ножны с мечом в руках. Глаза его были закрыты, а тело не двигалось, точно он врос в дерево. Капюшон скрывал бе-

лизну лица.

Ждать оставалось не долго. Вот-вот должна была взойти луна и вместе с тем нарастало волнение. Один раз нервы сдали у Власки – вскочил расправляя цепь, но это всего лишь заяц потревожил лопухи, где он скрывался. После промычал что-то невразумительное Гришка, когда ворона прилетела в гнездо, сплетенное высоко в ветвях сосны и опорожнила желудок точно на нос Гришки. Олег, сидящий недалеко, едва сдержался чтобы не прыснуть со смеху. В этот момент Дакша уловил ухом шорох. Открыв глаза, привыкшие к темноте, он тут же посмотрел на лежащего в траве следопыта. Тот стоял. Глаза его ярко блеснули в темноте, а в следующее мгновение он рывком разорвал пленившие его веревки.

– Стреляй! – выпрыгнул из лопухов Власка, одним движением расправляя цепь и бросаясь на следопыта.

Гришка вскинул самострел и выпалил в ту же секунду, но толи из-за чертовой птицы, толи из-за непостижимой скорости оборотня, он едва задел того в плечо. В этот момент Олег и Власка бросились на следопыта. Дакша стоял на месте, тихо бормоча что-то под нос, вода окровавленным пальцем по груди. Он видел, как Власка высоко подпрыгнул, окружая себя сверкающей цепью, точно броней, и резко выбросил ее в сторону оборотня, еще мгновение стоящего на этом месте с ощерившимся ртом и горящими глазами. Крючки впились в дерн, вырывая его и поднимая высоко в воздух, не задев вывертыша, уже стоящего за спиной рыже-

бородого. Мгновение и Власка оказался в его лапах с когтями у сонной артерии, вторая лапа вонзилась под кожу на груди, рядом с сердцем. Пленник дико взвыл, напрягаясь всем телом, но вырваться было не возможно.

– Стоять! – прорычал следопыт. – Разорву и глазом не успеете повести!

Он не обернулся... не обернулся полностью. Лишь когти на его руках выросли длинные, точно у медведя, глаза горели желтым пламенем и казалось, волосы на теле стали гуще и длиннее. Угловатость тощего тела приобрела неестественную форму и было ясно, что обращение он сдерживает с трудом, но все же сдерживает.

– Бросай! – рывкнул он горловым рыком, смотря на перезарядившего самострел Гришку. – Все одно выстрелишь, подставлю твоего дружка под болт! Хе! Гр-р!

– Су... Сучара! – прошипел Власка, морщась от боли. Темная рубаха его пропиталась кровью, текущей из раны на груди, где по-прежнему сидели когти оборотня. – Не слушайте его! Бейте!

– Ишь, какой смельчак! – прогавкал-прорычал следопыт, ковырнув грудь, от чего рыжебородый взвыл, выпучивая глаза. – А ну, бросай-ка цепь.

Дакша видел, как неохотно разжалась рука и цепь пала в траву. Он закончил водить окровавленным пальцем по рубахе на груди и теперь его указательный палец скользил по острию меча, оставляя кровавый след.

Выходи, старик! – фыркнул оборотень, играя скулами на лице. Из-за дерева слева вышел Громобой. – Раз все в сборе, то давайте-ка поговорим, пока я не превратился и не порвал вас, идиотов!

– Как же, – огрызнулся Олег, стоя в боевой стойке в десяти шагах от оборотня и Власки. – Договориться решил? Жить охота, выродок?

– Замолчи! Гр-р! – пролаял оборотень. – Хочу позволить вам спасти дружка! Мне нужна башка Вячко... Принесете ее и этот рыжий будет жить.

Громобой удивился, подняв бровь и спросил:

– Один заказывает тебя, а теперь ты заказываешь нам его? Мир сошел с ума! Почему мы должны это делать, не зная отпустишь ли ты нашего товарища? Да, к тому же, нас больше и убив его ты умрешь сам...

– Я живу здесь шестьдесят лет, – оскалился оборотень. – Я силен. А вот вы – нет! Я чувствую, как вы истощены. Пять чародеев, да каждый опустошён! Что вы сделаете? Вы ведь пришли не для того, чтобы гроши заработать... Вы пришли за мной! Гр-р! Хотите испытать меня! Я не осуждаю... опустевшие магии похожи на забитых псов... А забитых псов я рву хоть бы их и херова стая была.

– Не выставляй нас злодеями, – огрызнулся Олег. – Ты порвал трех мужиков...

– Гр-р! Вам-то срать на них! Разве я не прав? А хотите знать почему они сдохли?! – Выкрикнул оборотень. – Я рас-

скажу, а вы судите! За шестьдесят лет я ни тронул и одного человека. Ни одного! Задирал волков далеко в лесу, иной раз псов, но не селян. Я ведь жил среди них. Научился сдерживать зверя внутри. Гр-р! А потом я встретил волчонка... девочку, – глаза оборотня чуть поникли, но тут же вновь налились злобой. – В селе решили, что она подкидыш и внимания не обращали, а я тем временем учил ее сдерживаться, но она была молода и горяча... Однажды вырвалась... не уследил, из подвала хаты и дернула в лес.

– Что нам до твоих рассказов?! – вспыхнул Олег. – Пускай Власку и дерись честно!

– Честно? Один против пятерых? – оскалился оборотень, все больше порастая шерстью. Суставы его заметно ходили, точно жили сами по себе. – Я расскажу до конца, а если нет, то могу вырвать сердце твоему другу! Гр-р!

Власка хоть и старался держаться, но потеря крови сказывалась и он бледнел все сильнее, а ноги его заметно дрожали.

– Когда она убежала в лес, – продолжил следопыт-оборотень. – Я едва сдерживался, чтобы не обратиться и ни побежать за ней. Помню, как шел по ее следу, в человеческом облике и вдруг почувствовал запах людей. Гр-р! Вам не понять, как сложно сдержать зверя внутри. Я бросился по следу... Знаете, что я увидел, когда догнал их? Моя дочь была пригвождена к дереву в человеческом облики... Ее растянули на дереве, точно шкуру убитого медведя, пронзив руки и ноги болтами. Сердце ей вырезали ножом... А перед

этим... перед этим над ней надругались! – дрожа всем телом зарычал оборотень и клыки в его пасти начали удлиняться. Невероятным усилием воли он сдержал себя.

– Двенадцать лет... ей было двенадцать лет! – прохрипел оборотень. – Я выследил, выследил всех четверых... Трое из них мертвы! Остался один! Вячко! До него добраться не получается. Заговор на нем и его хате. Я и подойти-то не могу, но он знает, что рано или поздно я упыюсь его кровью и вырежу его сердце... Вырежу... Он знает кто я и теперь нанял вас, чтобы избавиться от меня.

– С чего бы нам тебе верить? – спросил Громобой. – Ты оборотень загнанный в угол. Ты мог придумать все что угодно, лишь бы остаться живым.

– Гр-р! – дернул головой следопыт, злобно щелкнув зубами. – Хочешь верь, хочешь не верь. Если поверишь – рыжий выживет. А нет, так убью всех! Ей ты! – зарычал он, смотря на идущего Дакшу с мечом в правой и ножами в левой руке. – Стой, сука, на месте! Гр!

Дакша и не думал останавливаться. Пришло время действовать. Ни кто не заметил, как едва заметно светилась его рубаха и пульсировало острие меча. Следопыт понял какое решение принял надвигающийся воин и его когти молниеносно перерезали артерию на шеи Власки. Раздался хруст ломающихся ребер, сначала рыжебородого, а через мгновение оборотня, выпустившего наружу зверя. Олег замер на месте, смотря, как Власка падает бесчувственным меш-

ком на свою же цепь в траву. Громобой метнулся к нему, опускаясь рядом с телом на колени.

В следующее мгновение уже не было следопыта. Густая шерсть укрыла кожу, челюсть чуть вытянулась вперед, спина выгнулась, появился хвост и существо пало на четыре лапы, ощерив пасть в сторону Дакши.

– Росомаха, – отметил он вслух, крутанув мечом и бросившись в атаку.

Свистнул болт, выпушенный Гришкой, вонзаясь в переднюю лапу огромного зверя. Чудище рвануло его пастью, вырывая из своей плоти. Дакша не упустил момента, со всего маху врезав ножами по морде оборотня, а после добавив ногой в шею и резанув мечом с полуоборота, рассекая чудовищу щеку.

На этом везение подошло к концу и последующий удар Дакши рубанул по траве, в то время, как росомаха резко нырнула под удар и напала на Олега, подоспевшего на подмогу. Три пальца моментально отлетели вместе с клинком, а медвежьи когти пробуравив грудь орущего воина взметнулись вверх. Оборотень прыгнул на поваленную сосну, дернулся в сторону, получая в бок очередной болт выпушенный Гришкой и словно не заметив такой мелочи бросился в густой папоротник, уносясь прочь.

– А-А-А-Р-Р! – ревел, точно разъяренный медведь Олег, зажимая в пятерню два уцелевших пальца. Кровь хлестала и из рваных ран на груди.

Дакша подбежал к Громобою и видя, что тот заговором соединяет артерию на шее Власки, бросился вслед за оборотнем.

– Уведи их в деревню! – остановил он Гришку, решившему пойти за росомахой.

– Что ты сделал?! – злобно выкрикнул Громобой.

– Уведи их в деревню! – повторил чародей, бросившись за зверем.

Кровавый след на траве был отчетлив. Дакша провел по-прежнему кровоточащим пальцем по векам глаз и моргнув пару раз двинулся вслед за оборотнем.

Луна поднялась над лесом и ее серебристые лучи с чистого неба освещали кривые ветви деревьев, разросшиеся лопухи, колючий репей и гнезда ворон на вершинах деревьев. Было очень тихо, лишь иногда шевелились кусты, но это были лисы, зайцы и ужи. Кровавый след становился все менее отчетлив. С каждым шагом на траве оставался все менее различимый след, пока Дакша не остановился, потеряв его во все. Меч и ножны он крепко сжимал, стоя в боевой стойке с опорой на левую ногу. Лес был не густой, а ночь лунной и все вокруг Дакша увидел бы и без наговора на глаза.

– Слезай! – поднял вдруг голову Дакша вверх, смотря на макушку сосны.

Два уголька глаз ярко вспыхнули и черный контур, словно змея бросился вниз по дереву с ошеломительной скоростью.

Мгновение и он уже летел с выпущенными когтями на Дакшу, в последний момент успевшего увернуться. Оборотень взбороздил землю промахнувшись мимо цели, но молниеносно развернулся ощерив пасть с огромными желтыми клыками. В груди и боку оборотня торчали болты, а шерсть вокруг пропиталась кровью и запеклась. Дакша заметил, как быстро оборотень регенерировался и отбросил ножны в сторону, выхватив из-за пояса нож с чуть загнуты окончанием.

Оборотень бросился в атаку, размахивая смертоносными когтями, длиной с человеческий палец и острыми, точно бритвы. Еще чуть-чуть и он бы вспорол противника, но этого «чуть-чуть» не хватило и крючковатый нож рассек плоть на боку зверя до костей. Оборотень еще в воздухе кувырнулся и со всего маху влетел мордой в кусты репейника.

Дакша бросил меч и нож и вскинул обе руки, наступая на росомаху. Оборотень рычал клацая зубами, но было видно, что раны сделали свое дело и силы покидают его. Качаясь он бросился в атаку.

Дакша и не думал отскакивать. Выставленные вперед руки дрожали, словно удерживал он на них невыносимо тяжелый груз. Оборотень прыгнул и на этот раз когти его достигли цели, вспарывая рубаху на плече, но не оставляя и царапины на коже. Чудовище кувырнулось и вновь прыгнуло на Дакшу, вгрызаясь пастью в вытянутую руку. Одежда на чародее засветилась сильнее. Если бы кто прошел в это время мимо, тот он увидел бы, как какое-то существо яростно нападает

на светящийся облик человек, достигающий свой пик свечения и начав мерцать.

Дакша борясь с оборотнем, яростно пытался вырвать руку из его клыков. Он чувствовал, как наложенный на него заговор слабеет и вот клыки пронзили ладонь насквозь. Выворотень почувствовал теплую кровь хлынувшую в глотку и рванул, повалив противника на траву.

Еще бы чуть-чуть и у Дакши осталась бы только кровотокающая культя. Но он все же пересилил себя и вскинув левую руку, резко вывернул ее в воздухе. Раздался мерзкий хруст и челюсть оборотня обвисла. Мгновения было достаточно, чтобы Дакша вскочил на ноги и еще раз выкрутил руку направляя ее на обескураженное чудовище. У оборотня вышибло переднюю лапу из сустава, затем вторую. Дакша поднял и вторую окровавленную руку и обе задние лапы росوماхи неуклюже разъехались. Чудовище зарычало, но из-за выбитой челюсти из горла вырвался нелепый, писклявый стон, не соответствующий такому грозному противнику. Дакша не выдержал и усмехнулся. Но в следующее мгновение он увидел, как суставы росوماхи начинают вправляться. Не теряя времени, он подскочил к оборотню и со всего маху врезал ему ногой по морде, потом еще и еще раз. Бил он до того момента, пока тварь не обмякла и не начала менять облик с звериного на человеческий.

Дакша сидел на пеньке, очищая меч от засохшей крови.

Ни кто не мог заметить, как сказался на нем бой. Около голубых глаз сидели морщины, волосы стали жиже и среди прядей часто попадались седые волоски. Кожа обрюзгла на лице, а вдоль правой щеки проходил рваный шрам, спускающийся на шею и уходящий под вымокшую от пота и теперь парящую в прохладном лесу рубаху. Если бы Олег или кто-то другой из компании посмотрели на Дакшу, то скорей всего бы не узнали его, спутав со стариком.

Руку он перевязал оторванным от рубахи рукавом, но это едва сдерживало текущую кровь, а от пульсирующей боли не спасало и вовсе. Но старик терпел боль, лишь иногда морщась от резкой приступы.

– Опустел? – раздался голос со стороны дерева.

Дакша убрал меч в ножны, переведя взгляд на основание высоко сосны. Прислоненный к стволу, связанный по рукам ремнем мужичок выглядел очень слабым. Его левый бок был запятнан кровью и тонкая полоска шрама осталась на нем теперь навсегда. У ствола дерева сидел голый следопыт.

– Даже стрелу вытащил? – закашлялся он.

Дакша повертел меж пальцев левой руки болт. Долго молчал, смотря на выворотня.

– Чего ждешь? – спросил тот хрипло. – Я уж и не ожидал очнуться... Силен ты – признаю. Да вот только и я тебя не слабо потрепал. Выглядишь точно дед старый. Еще чуть-чуть и я бы тебя задрал...

– Но не задрал, – закончил Дакша.

– Убьешь?

– А стоит?

– Мне жить незачем, – фыркнул следопыт. – Если не убьешь, так осушишь... А восстановиться мне не где. Эх... Я ведь правду вам про Вячко-то говорил. Мразь он и лишь мстью я жил. А теперь? Теперь ты высушишь меня и я не смогу сдерживать волка. Полнолуние и я как бешеное животное буду носиться по лесам, а может и по деревне... порву невинного...

– Мне плевать, – отрезал Дакша, кряхтя поднимаясь с пенька. – У каждого в этом мире происходит что-то страшное. Что не встречный, так жалуется на жену, на князя, на соседа... даже на кота, что сметану вылакал. Не думал я, что оборотень когда-нибудь мне душу изольет, но, видимо, и такое случается.

– Ты ведь позволил мне на того усатого напасть? – усмехнулся в оскале следопыт. – Да и рыжего не я убил, а ты. Ты знал, что я его порву. А все из-за меня... Не привык делиться?

– Замолчи, – рыкнул Дакша, вставая напротив связанного мужика.

Пристально смотря на следопыта, чародей вытянул пальцы вперед и через мгновение из груди оборотня потянулись тонкие серебряные струйки. Дрожа и вертясь, точно змеи, серебряные нити нашли пальцы Дакши. К каждому пальцу по одной нити. Следопыт слабел. Слабел прямо на гла-

зах. Совсем не давно стариком выглядел Дакша, но вот морщины постепенно разгладились, кожа подтянулась, волосы вновь стали густыми, а шрам испарился. Оборотень что-то вяло бормотал, опустив бородатую голову на грудь. Струйки из его груди ослабли вместе с ним, начав рваться и в этот же момент Дакша резко сжал пальцы, словно удерживал полученную силу. Стянув с руки повязку, он посмотрел на зияющую рану и проведя пару раз левой рукой над правой, смотрел уже на целехонькую руку. Вытянув из ножен меч, он шагнул к оборотню, и приподняв его голову острием, сказал:

– Ежели не можешь подойти к Вячко, так подумай, как следует: нужно ли к нему подходить?

Он бросил к ногам оборотня окровавленную стрелу.

– До следующего полнолуния у тебя куча времени. Бывай.

Власка едва дышал, постоянно вздрагивая и выплевывая кровь на рыжую бороду. Громобой, несущий его на руках, спешил, как мог. Он сумел сшить наговором артерию, порванную оборотнем, но сломанные ребра срастить не мог – не хватало сил. Рядом, шипя и матерясь, вышагивал Олег, сжимая обрубки пальцев в руке. От потери крови он сильно побледнел, но, видимо, злость позволяла ему держаться на ногах. Гришка плелся позади, держа самострел на взводе. Он постоянно останавливался, прислушиваясь не идет ли по их следу вывертыш, но лишь вороны недовольно каркали просыпаясь от хруста веток под ногами незваных гостей.

Луна освещала им путь и вскоре четверо путников вышли к реке у ветхого моста. Гришка помог Громобоею перенести через реку раненного и донести его до их лагеря.

– Тащи мешки, – прорычал Олег, рухнув на траву около кострища. – Ух, сука! Трех пальцев меня лишил, выродок! Ух... Как там Власка? Живой?

Громобой аккуратно срезал с раненого одежду, повернул его голову набок, чтобы кровь изо рта вытекала и уселся рядом, осматривая рану.

– Сердце он ему не повредил. Еще бы чуть и откинулся бы Власка. Но, коли не помочь, то дух испустит... Ничего, у меня в мешке есть пара амулетов. И его вылечу и твои пальцы верну. Единственное, что понять не могу, так какого хрена Дакша сделал?

– Пусть, сука, только попробует эту тварь испить! – покраснел Олег от злости. – Убью самолично!

– Если сумеет осушить, то ни чего мы ему не сделаем, – покачал головой Громобой. – Я едва сумел рану на шее заговорить, куда уж тягаться с напитавшимся-то магом. Боюсь, что обманул он нас и...

Не успел белобородый договорить, как прибежал Гришка с мешками и свалил их около старика, что-то невнятно бормоча. Громобой его словно бы понял и рванулся к мешкам. Он вытряхнул из них все, но нашел лишь один амулет – кольцо со сверкающим камушком.

– Ублюдок! – взревел белобородый, переменявшись в ли-

це. – Вот же сука!

– Что? Что такое? – подошел к нему качаясь Олег.

– Этот Дакша спер один амулет! – Громобой вскочил и со злостью пнул по пустой фляжке, отправляя ее в заболоченную речушку. – Помню, что перед тем, как идти проверил я. А теперь остался лишь один амулет! Не смогу я тебе пальцы вернуть. Нужно Власку залечить.

Олег не сказал и слова, лишь кивнул посеревшим от негодования лицом и сильнее сжал окровавленные пальцы.

– Дай-ка водки, – сказал он наконец, усевшись у костра. Гришка притащил ему фляжку и вставил меж зубов палку.

Болезненный рык Олега от политой на остатки пальцев водки, спугнул с дерева силуэт птицы, а в деревне залаяла, какая-то собака.

Руку перевязали. Гришка развел костерок, изредка поглядывая на то, как Громобой тихо бормоча себе под нос, водит рукой с надетым на палец кольцом, над успокоившимся Влаской. Плотная струя серебряного цвета лилась из камня кольца на грудь рыжебородого и можно было видеть, как рана медленно затягивается.

Прошло не менее часа, прежде чем белобородый поднялся и подошел к костру, плюхаясь в траву. Видно было, как он устал, но на лице его была и улыбка.

– Спасли, – прошелся он рукой по бороде. – Сейчас оклемается и будет, как новенький. Что дальше-то делать будем? А?

– Первым делом, – опьяневшим голосом сказал Олег. – Сходим к старосте. За мои пальцы он отдаст нам все! Все, что у него есть в хате... Включая и его баб!

– Хочешь чтобы за нами еще и отсюда кто-нибудь погнался? – нахмурился Громобой.

– У меня оборотень, – оскалился Олег, показывая перевязанную наскоро руку, – пальцы отгрыз. Мне теперь почему-то хочется либо убить кого-нибудь, либо трахнуть! Вы заберете у этого козла деньги и все ценное, а я тем временем к его бабам зайду...

– Что потом? – безразлично глядя в костер, спросил белобородый.

– Потом найдем Дакшу и если его оборотень задрал – то ему повезло! Ежели нет... Найдем, – после недолгого молчания ответил Олег.

Власка очнулся. Не говоря ни слова, он поднялся, ошупал грудь, шею и пошел к реке умыться. Вернулся сырой от носа до пяток. Уселся у костра, смотря на повязанную руку Олега, выпил самогона и выслушал рассказ о том, что произошло после того, как оборотень его порвал. Прежней улыбки на его лице уже не было. Появилась она только тогда, как Олег рассказал ему о бабах Вячко. Такой расклад пришелся рыжему по душе. Вскоре костер был затоптан и вчетвером они двинулись в сторону двухэтажного дома старосты.

Вкус мести с привкусом пепла

То маги грешные создания! Друг из друга жизнь сосут, точно вампиры проклятые, да жизнь людскую отнимают...

После похорон, Вячко недолго посидел на поминках. Опрокинул пару стопок водки, похлебал жидкого лукового супа, съел кусок свежее испеченного хлеба и выразив вдове и ее осиротевшему сыну соболезнования, направился домой.

Гаркнув на собаку, прыгающую и ласкающуюся к нему, он уселся на лавку, возле дома и забив трубку табаком, разнежился на солнышке. Давненько он не расслаблялся. А особенно плохо спал последние восемь месяцев. Иной раз уснуть помогала самогонка. После того случая в лесу, когда он с мужиками погнался за рысью, пробежавшей в ночи по деревне – о добром сне он забыл. Вячко выпустил облако дыма, тут же унесенное теплым ветром и в памяти его все вспыхнуло, точно произошло вчера.

В ту ночь Вячко сидел в деревенском кабаке, попивая пиво и слушая мужиков, говорящих о том о сем. На небе светила полная луна, а перед ним стояла кружка полная пива. Постепенно мужики допивали свое пиво, да разбрелись по домам и вскоре в кабаке осталось всего четверо человек. Выпив еще по кружке, они заплатили и вышли на улиц.

Решив пройтись по деревне, все четверо вышли по дороге на окраину, недалеко от реки. В свете луны каждый заметил, как из дома следопыта выскочило какое-то создание и бросилось к лесу. Один из мужиков тут же приметил, что это рысь и поди та или курицу украла иль собаку задавила.

Одурманенные пивом и чувствующие силу группы, они решили прибить рысь, за то, что она собак в деревне рвет, да кур ворует. Дом одного из мужиков был рядом и он быстро вынес два самострела, кочергу и длинный нож.

Перемахнув через реку, новоиспеченные охотники побрели в гущу, свято надеясь найти след рыси, но судьба распорядилась так, что вскоре они услышали рык и тихо подкрались к его источнику. Выглянув из-за кустов, они увидели, как рысь когтями сдирает со ствола дерева кору. Не долго думая мужики вскинули самострелы и пустили болты в жертву. Удача была на их стороне и одна стрела угодила рыси прямо в лапу, тем самым пригвоздив ее к стволу дерева.

Радостно свистя и смеясь, они подбежали к дергающемуся животному и улучив момент пригвоздили и вторую лапу. Пьяный угар подсказал им сделать тоже самое и с задними. Когда же они вдоволь поиздевались над убийцей собак и похитителем куриц, то увидели, как вместо рыси на стволе дерева проявляется девка. Поначалу все струхнули не на шутку, крестясь и плюясь, но вскоре решили таки проверить настоящее ли тело, аль видение какое? Тело оказалось настоящим, да к тому же еще и живым.

Что было после, Вячко вспоминать не шибко-то и хотел. Помнил он, как мужики задирали друг друга: «А не слабо ли тебе с вывертышем-то?» Оказалось не слабо и двое идиотов решились. Второй, правда, вскоре отскочил, как только девчушка начала в себя приходить и вновь шерстью обрабатывать. Недолго она двигалась. Сначала кто-то огрел ее кочергой по голове, а затем и Вячко со страху ей нож в спину всадил. Все решил, что этого мало и вскоре сердце выворотня было вырезано.

Все вчетвером они убежали, выбросив нож и сердце в болотистую речушку. Напились у того мужика, что на окраине жил и который вынес самострелы да прочее оружие. А как с утра проснулись, то свято решили ни кому ни чего не говорить. Даже клятву принесли. Вячко вскоре начал забывать о случившемся, но пропал первый мужик, по кой-то хрен пошедший ночью в лес. Нашли его задранным. Потом и второй пропал, на этот раз ему сердце выдрали. Староста тут смекнул, что к чему и под вечер сгреб гроши да побрел к ведунье.

Старуха вопросов не задавала, а Вячко ни чего и не рассказывал, лишь попросил оберег от лиха ему сделать. Денег не пожалел и получил желаемое. Тихо потом было. Тихо до того момента, как третьего задрали. Вячко себе места не находил и тут узнал, что поблизости пятерых путников видели. Странные эти путники были. Вооруженные, с мешками, но без лошади. Тогда-то Вячко и решился нанять их и покончить с мстящим выворотнем.

Трубка его потухла, а солнце уже начало опускаться к горизонту. Встряхнувшись, Вячко подивился тому, как долго он сидел и, как быстро время прошло. Встал он и хотел было домой пойти, как ко двору подбежал мальчуган.

– Дядюшка Вячко, дядюшка Вячко! – выкрикивал он забегая во двор. – Там милиция из города пришла, спрашивают кто тута главный! Каких-то бандюг сыскивают!

– Бандитов? – почесал затылок староста. – Каких же это бандитов?

– А мне почем знать? – пожал плечами мальчишка. – Спрашивают про пятерых бандюг...

– А ну веди их сюда! – встrepенулcя староста. – Да поживее!

Мальчонка убежал. А Вячко улыбнулся.

– Вот вы значит кто! – воскликнул он, словно сделал небывалое открытие. – Бандюги, да еще и магики!

Из дома послышался крик жены: «Чего орешь-то? Со всем сбрендил!» Вячко покряхтел, выбивая трубку и побрел в дом.

– Готовь еду, жена! – приказал он, заходя в дом. – Вытаскивай, что получше, не то, что для тех оборванцев.

Ночь подходила к концу. Хозяйничать ей оставалось не более часа. Но деревня по-прежнему спала. Лишь лаял пес во дворе у Вячко.

– Неугомонная псина, – фыркнул Олег. – Успокоишь ее

из самострела?

Гришка коротко кивнул. Приподняв оружие.

– Делаем все быстро и уходим, – сказал Громобой, идя рядом с Олегом. – И баб не убивайте. И так проблем хватает.

– Ты себе какую возьмешь? – оскалился Власка, словно позабыв о том, как пару часов назад был на грани жизни и смерти. – Мне вот жинка его приглянулась. Бери себе дочку.

– Добро, – буркнул Олег. – А вы у него все деньги из дому тащите. Жаль только лошадок у него нет.

Четверо путников вошли в тихую деревню и направились к двухэтажному дому старосты. Подойдя к воротам, Олег выбил их с петель ударом ноги. Гришка тут же вскинул самострел, направляя его на дворнягу, почувствовавшую неладное и забившуюся в угол ветхой будки, негромко рыча на незнакомцев.

– Бросай! – раздался вдруг громкий голос из-за угла дома.

Компания не успела сообразить, как из-за дома, из дверей хаты и еще черт знает откуда выскочили вооруженные люди. Засверкала сталь и нацелились арбалеты. Мгновение и компанию окружили. Власка выхватил нож, Олег здоровой рукой меч, Гришка переводил арбалет с одного на другого, Громобой стоял тихо. Через мгновение из дверей хаты вышли трое. Один держал факел. В свете факела можно было рассмотреть окруживших компанию воинов. Все как один носили кожаные доспехи, темные плащи до колен, высокие

сапоги.

– Бросай оружие! – повторил вышедший из хаты. – Именем закона приказываю бросить оружие, не то полную жопу стрел вам насажаем! Что, оглохли, сучьи дети?!

– Бросайте, – поднял руки Громобой. – Не справимся.

– Куда уж вам! – хохотнул, по всей видимости командир.

Первым бросил самострел Гришка, за ним швырнул нож Власка. Олег долго, оскалившись глядел на окруживших их милицейских и лишь поняв, что шансов нет, презрительно сплюнул и кинул меч к ногам офицера.

– Ну, вот и ладно, – покачал головой офицер. – Я уж думал, что вы полные идиоты. Может и не повесим вас, за то, что офицера пырнули. Хотя это вряд ли...

Двери хаты вновь скрипнули и высунулась лысеющая башка Вячко.

– Сукин ты сын! – прорычал Олег. – Сдал нас, сука!

– Уберите этих бандитов со двора моего! – проверещал староста. – Еще выражаться будет, выродок!

Олег хотел было ответить, но мощный удар офицера заставил слова сидеть глубоко в горле.

– Свяжите-ка этих молодцев, – плюнув на упавшего Олега, приказал он.

Попутчики

Наш мир и без того гномов толстолобых полон! Так еще и колдуны с тварями бесконечными на башку свалились... Благо хоть эльфов длинноухих время пожрало...

С утра солнце светило ярко. День обещал быть жарким и таким и оказался, лишь с запада надвигались небольшие тучи.

По широкому тракту вышагивал человек с мечом на поясе, в высоких сапогах, закрывающих половину голени. Была на нем серая рубаха, опоясанная кожаным ремнем, широкие штаны, заправленные в сапоги, и плащ на спине, а по верх него небольшой мешок из грубой ткани. Солнце ярко светило путнику в спину и он то и дело утирал рукавом лицо от пота и откидывал русые волосы с глаз.

Тракт был длинный и прямой, как стрела. На сколько позволял взгляд он уходил к горизонту, окруженный справа постоянно встречающимися рощами да лесами, а слева – лугами и полями. На полях работали крестьяне, ухаживая за посевами, на лугах выгуливались кони и пасся крупнорогатый скот. Из лесов, по выезженным тропинкам появлялись лесорубы, нагружившие телеги срубленными стволами березы на дрова и елки – для строительства. Бывало дружной ком-

панией выбредали из лесов и рощиц бабенки, неся на согнутых в локте руках полнехонькие корзинки белых грибов. Пару раз проезжали по дороге торговцы с парой вооруженных человек на возу для охраны. Практически все, кого он встречал, двигались либо ему на встречу, либо – в деревню через поля.

Путник продолжал идти. Шел он бодро, казалось об усталости и не слышал. Вскоре солнце достигло зенита и он остановился, но лишь на пару минут, что бы развязать тесемки дорожного мешка и сделать пару глотков из фляжки. Закинув пожитки обратно на плечо, он двинулся дальше.

Вскоре сзади раздался скрип телеги и фыркание лошади. Телега поравнялась с путником, сбавив ходу.

– Будь здоров! – поприветствовал коренастый с черной длиннющей бородой, доходящей ему до пояса и разделенной на две тугие косы гном.

– И тебе не хворать, – ответил путник, кивнув в ответ.

– Подвезти может? – обратился гном, придерживая лошадь. – В такую жару далеко не убредешь.

– Сколько возьмешь? – остановился путник. – У меня денег-то почти и нет.

– А с мечом обращаться умеешь? – прищурился гном, глядя на оружие на поясе путника.

– Умею, – кивнул тот в ответ.

– Ну, тогда полезай в телегу, – одобрительно кивнул гном. – Считаю, что охраной будешь. Эт только кажется спо-

койно здесь. А на самом деле бандюг по лесам, что блох на собаке. Умеющий рубить в пути всегда пригодится. Как зовут-то?

– Дакша. А тебя?

– Риги.

– Слушай, Риги, – отливая из бочонка пива, сказал Дакша. – Так просто на телегу сажаешь людей? А вдруг я убийца или вор?

– Ну! – усмехнулся гном. – Я уж за шестьдесят три годка-то в людях разбираться научился. А ежели ошибусь, то у меня топор наточен. И уж извини, но и тебя уложу, что сухое деревце.

– Держи, – подал Дакша пиво гному. – Значит не буду тебя разочаровывать.

Оба молчали попивая пиво. Гном сидел на козлах. Человек лежал в телеге, подложив под спину мешок с какими-то тряпками. Пиво было густым, темным и вкусным да к тому же у гнома имелся целый мешок сухарей, которыми было одно удовольствие похрустывать. Чем дальше они уезжали по тракту, тем меньше было путников. Пару раз, правда, их обгоняли конные, но скорей всего, были это гонцы. Риги матерился им в след, откашливаясь от поднятой их конями пыли.

– Куда путь-то держишь? – спросил наконец гном. – Мешочек-то у тебя хилый – далеко не уйдешь.

– А куда у тебя лошадь идет?

– Туда, куда я ее веду, – усмехнулся Риги.

– Вот я туда и еду. – Дакша вновь наполнил кружки и поставил одну на козлы для гнома.

Вновь они ехали молча, пока Риги не решил завести тему за политику.

– Слыхивал, что войну-то объявили? – спросил он у Дакши, задремавшему на солнышке.

– А как же? Кто не слышал-то?

– Так вот, – утер Риги усы от пивной пены. – Расковчяне, то есть наши, заявили свои права на Золотой остров, а Амбросы, что за разливом реки Вольной, наотрез отказались признавать этокое право. Где-то месяца два они пыхтели, подводили корабли к острову. Расковчяня свои у южного, да у восточного берегов, кораблей этак пятьдесят подогнали, а Амбросы у западного берега обосновались. Так вот... Какого хера!? – возмутился Риги, стукнув пустой кружкой по козлам. – Эти хреновы Амбросы обнаглели до ужаса! Все время Золотой остров наш был! А теперь, видите ли, нам приходится заявлять права на свой же остров, потому как Амбросы решили тоже золото добывать! А все из-за того, что Западники решили стать королевством самим по себе. Они-то ведь всегда были частью Расковья и именно их князь Василий добывал золотце-то. А теперь стали они Западниками и к Амбросам тянутся и золото наше отдать хотят! Эх... Наливай!

Дакша вновь наполнил кружки и насыпал гному в мощную ладонь сухарей.

– Ты-то что думаешь по этому поводу? – обернулся он к Дакше.

– Не люблю я политику, – поморщился он в телеге. – Вот началась война, а что тебе-то толку, а? Конечно, хорошо будет, если наши остров отвоюют, тогда потянется туда на заработки люд. А дальше что? Каждого, что на острове, обложат налогом, да таким, что в кармане словно бы дырка. Налоги пойдут на постройку новых кораблей, возведение крепости на острове... Там ведь нет крепости?

– Вроде как нет, – призадумался гном.

– Вот, – продолжил Дакша. – Построят крепость, где будет восседать какой-нибудь князь, следящий за пополнением казны, да затем, чтобы работники много золотца не тырили. В общем-то, ни чего ты не почувствуешь, если мы Золотой отвоюем.

Риги не отвечал, лишь похрустывал сухарями, да хлебал пиво. Дорога продолжала стелиться прямой лентой. Иной раз Дакшу подкидывало на мешке, когда колесо телеги наезжало на камень иль выскакивало из колеи.

– Слушай, Риги, – обратился Дакша. – Ни как не мог подумать, что ты считаешь Расковчан «своими». Не обижайся, но ты ведь гном, а именно Расковчане и захватили твою родину на востоке. Горы Гномов... название говорит за себя. Теперь же там три крепости и одна из них стала тюрьмой.

В горах твоего народа добывают камни, золото и всякие там ископаемые, а ты так лояльно к Расковчанам. Пояснишь?

– Что тут пояснять-то? – набычился гном. – Захватили вы наши горы, верно. Была когда-то у нас там родина. А теперь гномы по всему свету разошлись. Но я-то живу с Расковчянами. Работаю на Расковчян, ем с Расковчянами, даже еду сейчас с Расковчянином! Что же мне делать по-твоему? Взбунтоваться? Может в лес пойти и охотиться на вас? Нет уж. Что случилось, то прошло. Теперь считай я и сам Расковчянин... Понял?

– Понял, – зевнул Дакша. – Риги, посплю я чуток?

– Что, пиво разморило на солнышке?

Ответа не было. Дакша уснул, убаюканный качанием телеги на кочках.

Открыв глаза, Дакша увидел над головой ветви дерева, перекрывающие темнеющее небо. Телега более не тряслась, а спокойно стояла в стороне от тракта. Пахло дымом. Рядом потрескивал костерок. Выбравшись из воза, он потянулся и направился к костру.

– Видать устал не хило, – вычесывая свою густую бороду, сказал гном. – Спал, как убитый.

– Да, этой ночью не пришлось поспать, – уселся на кряж дерева Дакша, широко зевнув. – Извиняй, что не помог тебе с лагерем.

– Не беда, – отмахнулся костяной расческой Риги. – По-

рубить дрова мне иной раз в радость. Хотя бы мышцы разомну. Едешь на телеге и только задница плоской становится, а руки обмякают... Слушай-ка, может по утрам потренируемся? Спарринг меж нами. Подучу тебя кой чему. Ну, как?

– Давай, – согласился Дакша. – Тренировка лишней не будет.

Как только Риги вычесал свою бороду и бережно заплел ее в две толстые косы, то из его торбы появился кружок жирной колбасы. Дакша предложил ее поджарить на костре. На том и сошлись. Колбаса с пивом ушла быстро. Путники сидели у костра, иной раз подкидывая нарубленные гномом полешки, отчего в небо взвивался столб искр. Лошадь паслась неподалеку стреноженная. Ночь входила в свои владения.

– Чувствую завтра дождь будет, – сказал гном, подкидывая очередное поленце. – Душно становится... А вот еще что... Может слышал, что дракон-то появился.

– На юго-востоке?

– Ага. В горах сидит. В десяти милях от заброшенной крепости. Вот ведь невидаль.

– Не такая уж и невидаль, – почесал Дакша заросший щетиной подбородок. – Раньше-то их много было. Лет двести назад в горы и не совался ни кто, знали, что чуть что и станешь ужином.

– Эт точно, – уселся Риги поудобнее на пне. – Вот только магии их поубивали. Сказать по правде, хорошо сделали. Эти твари огнедышащие столько жизней загубили. Сёла

да города посжигали, скот передавили. Помню пытались они на гномов нападать, когда мы еще в Гномовых горах обитали. Тут-то они зубы пообломали. Хе-хе! Камень грызть им не понравилось, а как из баллист их угостили, так они и во все летать к горам прекратили.

Хотя, слышал я, что магики не из-за заботы об убогих драконов выводили. Говорят, что дракон – это огромный магический сосуд. Вроде так... Ни один магик его осушить в одно рыло не может – лопнет. Потому-то и объединялись они в банды и залавливали ящеров летучих.

– Большая банда должна быть, – улыбнулся Дакша. – Говорят дракон за один плевок пламенем может хату начисто спалить. Потому-то, когда был гон на драконов, столько чародеев погибло.

– Ха! И тут хорошо, – хлопнул Риги себя по колену. – Магики-то еще те засранцы. Слышал я, что они детей из деревень воруют, но не всех, а каких-то особенных. Потом детенышей находят в канавах или на помойке. – Гном гневно сплюнул за пень.

– Разве можно так? – посмотрел он на Дакшу облокотившегося на колени и смотрящего в костер. – Нет для них ни чего святого. Вот и скажи потом, кто хуже-то – дракон или магик?

Дакша помолчал, видя, что гном не мало возбужден. Лишь когда тот чуть успокоился, он негромко сказал:

– А видел ты, Риги, как половина села сгорает за од-

ну ночь? В одно мгновение пламя охватывает село и через час на месте, где стояли хаты, можно найти лишь головешки и обгорелые тела. А бывает так, что счастливых родителей новорожденного ребенка находят дома вывернутыми наизнанку. Подожди, – остановил Дакша гнома, пожелавшего возразить. – Я сам видел, как родители отдают детей магам, лишь бы уберечь себя и живущих рядом. Дети-маги – мощнейшие чародеи, которые не могут контролировать внутреннюю мощь.

– Потому, – после минутного молчания продолжил Дакша, – не стоит верить всему тому, что слышал.

– Хорошо сказано, – криво усмехнулся Риги. – Особенно мне понравилось, как ты защищаешь поступки чародеев... Нет, теперь уж подожди ты! – рыкнул гном. Дакша не стал возражать. – По-твоему ничего особенного в том чтобы взять ребенка, который не виноват в том, что родился с магией этой херовой внутри? Потом какой-нибудь задрипаный чародей его либо выкрадет, либо по согласию родителей заберет, выпьет и бросит в канаву, точно алкаш бутылку. Ты считаешь это спасением? Может тогда всех, кто шибко отличается убивать?

– Давай не будем, – попросил Дакша. – В этом мире у каждого своя правда. А я не хочу с тобой ругаться.

– «Своя правда»! – злобно передразнил гном Дакшу. – Завтра с утра тренироваться будем. Не забывай!

– Не забыл.

– Тогда я спать!

Трактир неподалеку

Коль и похожи на кого ворожеи чертовы, так на сущность бандитскую! Вот уж кому сгинуть-то следует! Собрать бы их всех под одной крышей, да спалить... Жаль, что не все чародеи огня голого бояться...

Утро, как и предсказывал Риги, было пасмурным, на небе собирались тучи, но дождь пока не хлынул. Солнце не появлялось из-за туч и выглядело все серым, а лес в котором они остановились походил на старую, опутанную мертвым сном чашу. Костер не горел.

Гном проснулся рано и был не мало удивлен тем, что Дакша уже сидел на пне и полировал меч. Отойдя в сторону, Риги, полил корни дерева, высморкался, матюкнул ненастную погоду и присоединился к попутчику.

– То спишь, что мертвый пес, то встаешь спозаранку.

– Отоспался вчера, – ответил Дакша, бережно проходя по стали бархатной тряпицей. – А сегодня суставы ломит на погоду – не до сна.

– Такой молодой, а к погоде чувствителен, – подивился гном. – Ну, ладно. Пойдем железом помашем. Посмотрю, как ты мечом-то владеешь.

Оба поднялись с пней и направились на небольшую площадку меж двух высоких дубов. Риги держал в руках обою-

доострый топор. Разминаясь, он крутанул его в руках мельницей, что аж воздух запел, потом подкинул высоко над головой и ловко поймал.

– Могешь так вот? – усмехнулся он.

– Так не могу.

Дакша держал в правой руке меч, а в левой ножны с блестящими полосками металла и маленькими уплотнениями на них, в виде пирамидок.

– Ты чего? – удивился гном. – Ножнами тоже драться будешь?

– Буду.

– Ну, – усмехнулся Риги, глядя, как Дакша встает в боевую позицию. – До первой крови?

– До первой.

Гном закрутил топором и понесся на оппонента с боевым рыком, точно была это не дружеская тренировка, а настоящий бой. Дакша в момент отбил мечом нанесенный сверху удар, отступил на два шага назад и подпрыгнул, уйдя от острия свистящего топора на добрых пол-локтя. Риги малость удивился прыти оппонента и вновь бросился в атаку, решив силой продавить ловкость. Дакша уклонялся, подпрыгивал, парировал, отскакивал, оставляя гнома ни с чем. Но и Риги нужно было отдать должное. Он крутился точно волчок, перехватывая топор из руку в руку и не позволяя атаковать. Вынослив был, точно мул, а силен, как медведь. Пару раз его топор срезал пласт земли, а в другой раз

разбивал валяющиеся на земле ветки в труху. Риги продолжал теснить противника к дереву, а когда тот уперся в него спиной, то резко перехватил топор и врезал противнику рукоятью в живот. Да вот только Дакша уже отскочил и рукоять треснув в могучее дерево, отбила толстый кусок коры. В следующее мгновение он обошел гнома в два шага и лупанул того по заднице ножами. Пирамидальные уплотнения укусили Риги за задницу так, что он непроизвольно ойкнул, подпрыгнув от неожиданности, но быстро совладав с собой, развернулся и вновь рубанул наотмашь и вновь в пустоту. Дакша уже был сзади и снова врезал гному по заду ножами, после чего скоро отскочил.

– Ну, все! Все! – возмутился гном, разворачиваясь к противнику. – Ты мне так всю жопу изкалечишь! А как потом на козлах-то сидеть? Эх! Ладно, твоя взяла.

Гном подошел и пожал Дакше руку. А после направился готовить повозку, почесывая ушибленное место.

Не прошло и получаса, как путники вновь двинулись в путь. Отдохнувшая лошадь резво потянула повозку с лежащим в ней человеком и сидящим на козлах гномом. Быстро вернувшись на тракт, Риги погнал лошадку по нему.

– Удивил ты меня не слабо, – заговорил до этого молчавший гном. – Я ведь всю жизнь с топором. Бывал в многих переделках и уж таких фехтовальщиков в грязь мордой совал, что и похвалиться можно. А тут... В два счета ты мне булки отколотил. Где так мечом научился орудовать?

– Время – лучший учитель, – коротко ответил Дакша. – Да и практики у меня, если посчитать, не мало.

– Да-а, – почесав зад, задумчиво протянул гном. – Век живи – век учись! А ведь я тебя еще и научить хотел... прие-мам-то!

Риги загоготал так, что Дакша не выдержал и тоже прыснул со смеху.

Дорога шла ровной. Единственное, что менялось – окружение. Стало меньше попадаться березовых рощиц, а вот хвойных лесов было все больше. Деревни также поредели. Иной раз на каждые пять миль попадалось по две деревушки с ухоженными полями и пасущимися стадами животных, теперь же можно было долго ехать, прежде чем увидишь где-нибудь захудалую деревеньку с полусотней жителей. Чем дальше путники продвигались на восток, тем необитаемей становились леса и поля. До полудня они не встретили ни одной повозки и лишь, когда начал моросить дождь, то впереди замаячила телега с вооруженным эскортом.

– Кто такие и куда путь держите? – подъехал к телеге высокий мужик в латах на гнедом жеребце, чуть поодаль остановились еще трое, так же закованные в латы. Тот что спрашивал, внимательно осмотрел Дакшу и Риги, не убирая руки с рукояти меча.

– Все по тракту, да по тракту на восток, – ответил Риги. – Я гном, он – человек.

– Ты мне тут не юли! – рыкнул латный. – Точное место

поездки и кто такие?

– К Гномовым горам путь держим, – ответил гном. – Мы обычные работяги. Едем на заработки. Но перед тобой я отчитываться не должен, – презрительно осмотрел Риги мужика. – Не вижу ни отличительных знаков, да и вообще ни чего не вижу, кроме как того, что в латах ты. Сдается мне не имеешь ты права нас допрашивать. А коли охраняешь ту телегу, то и охраняй, мы-то тебе зачем сдались?

– Без тебя знаю, что мне делать, – сплюнул под копыта лошади мужик. – Что везете?

– Провизию! – раздраженно фыркнул гном. – Сказал же тебе, что едем на заработки. А! Точно! Еще острый топор везу, хочешь покажу насколько острый?

Мужик в латах посмотрел на гнома с легкой насмешкой. После чего махнул рукой и направился дальше по дороге. Вскоре проехала и тяжело груженная телега в сопровождении еще пятерых конных в латах и еще двух сидящих в телеге человек с руками под тряпьем.

– Арбалеты на взводе, – хмыкнул Риги, осмотрев парочку на возу. – Того и гляди пальнут.

Как только телега с эскортом скрылась, то Дакша поинтересовался у Риги:

– Интересно, чего это они так охраняли? Телега-то небольшая. Не знаешь?

– Скорей всего золото везут или что-то дорогое, – пожал плечами гном. – Охрана не из дешевых. А то, что везут, так

это поди налоги в столицу.

– Не проще по Вольной перевозить? – подумав спросил Дакша. – Севернее от Гномовых гор большой порт. По нему и древесину возят и камень. Такую петлю давать по тракту? Того и гляди перебьют их и заберут все сборы.

– Ха! – утер Риги промокшую от дождя бороду. – Я тож думал, что по Вольной проще. Быстрей, конечно, по реке. Но слышал я, что частенько нападают на корабли, а бывает и волна поднимется, что бриг переворачивает. Достань-ка потом с тридцатиметровой глубины что-нибудь. А по тракту едут, так и внимания особого не привлекают... Охрана и охрана. Мало ли торговцев от Гномовых гор едут?

– А кто на корабли Расковчан нападает? Они тоже ведь под охраной ходят.

– Пираты, ясное дело! – подивился гном незнанию сотоварища. – Бывают и Амбросы налетят. Только без отличительных знаков и флагов. Потом ты хрен чего докажешь, что это не пираты напали.

Дождь начал усиливаться. Тучи сгустились над головами путников и весь окружающий мир погряз в сырости и серости. Грива на тянущей телегу лошадке прилипла к шее и по ней стекали струйки воды. Дакша еще полежал под дождем, но вскоре промок до нитки и укрыв мешки грубым полотном, перелез на козлы к потеснившемуся гному. Дорога под колесами телеги размякла, а в иных местах образовались лужи, разбрызгивающиеся под копытами лошади. Настрое-

ние путников испортилось вместе с погодой, а в добавок Риги постоянно елозил раненой задницей по козлам. Так они в молчании проехали миль пятнадцать – двадцать. И все же гном не выдержал, сделав предложение:

– Так не пойдет! Я уж весь промок, а погляди на мою бороду! – Борода гнома намокла, точно губка и толстые косы выглядели смешно. – Тут, если не ошибаюсь, недалеко должен быть трактир. Заедем?

– Давай, – кивнул Дакша. – Если там огонь да суп горячий есть, то уже хорошо.

– Ха! – выжал гном бороду. – Щи там отменные и комнаты без клопов. Отдохнем, а с утра двинем дальше.

Через час путники приблизились к Трактиру, о котором говорил Риги. Высокое трехэтажное здание из дерева было потрепано временем. На стенах виднелись заплатки из светлых досок. Третий этаж и вовсе накренился вбок, увлекая за собой остальное здание. Окна покорежились, но не так уж и сильно. Сам трактир находился чуть в стороне от дороги. Пришлось путникам проехать по глубокой колее выбитой часто проезжающими телегами. С правой стороны от входа стояли под навесом лошади, привязанные к горизонтально закрепленному горбылю. Было件нятно, что путников в трактире не мало. Еще с улицы, не смотря на вой дождя, Дакша услышал гомон со смехом, доносящийся из манящего тепла сооружения. Из окон первого этажа лился мягкий,

слегка тускловатый свет. Ждать конюшего пришлось долго. Когда же он появился, то Риги специально прыгнул в лужу, рядом с которой тот стоял, обдав мужичка с красным носом веером брызг.

– Хер ты получишь грош! – буркнул он, идя к двери трактира.

Над дверью висела квадратная вывеска с выжженной на ней кружкой пива и парящей тарелкой чего-то горячего.

Сделав шаг в помещение, Дакша чуть не зашелся чиханьями. Людей внутри было превеликое множество и чуть ли не половина из них курила трубки. Густой дым стоял под потолком перемешиваясь с жиром от жарки котлет, от чего аж глаза щипало. Сейчас Дакша позавидовал росту гнома, идущего под витающим туманом.

Сам трактир выглядел, пожалуй, просто, как и все придорожные забегаловки. Квадратные столы со скамьями были расположены по периметру прямоугольной комнаты. Правый от входа угол занимала печка из белого кирпича, занавешенная посеребрившими от копоти тряпками. От зала печку отделяла огромная лавка, в ширину достигающая три локтя, а в длину – не менее тридцати. Вся она была забита стоящими людьми. Столы так же занимали путники разной масти. В таверне было тепло и кроме дыма пахло еще и обещанными гномом щами, водкой и сыростью высыхающей одежды.

– Давай еще пива! – ворчали мужики запыхавшемуся корчмарю с красным от беготни лицом. Был корчмарь пол-

новат и лыс. А на бурчание клиентов отвечал: «Подождешь, ядрена вошь! То ни кого в таверне, а как дождь дал, так и сбегались все!»

Помогали толстяку две молодые бабенки, только и успевающие разносить пиво, щи и колбасы. Дакша подивился их изворотливости и умению удержать тарелку с супом, протискиваясь меж крепких мужиков, не упускающих момента ущипнуть девах за попку.

– Вот так встреча! – воскликнул Риги, завидев гнома, сидящего за столом и похлебывающего суп.

Гном с рыжей бородой приветливо кивнул Риги и движением руки пригласил за стол. Протиснувшись сквозь плотную массу людей, путники подошли к столу.

– Васка!

– Риги!

Оба гнома крепко обнялись, похлопывая друг друга по крепким спинам.

– Гляжу ты набрал килограмм десять, – осмотрел приятеля Риги. – Да и башку побрил.

– Да, – похлопал себя по животу рыжебородый гном. – Добрею от бездействия! А побриться и тебе советую, а то постоянно в дороге и на головехе такие колтуны образуются, что с утра аж слезы из глаз, когда их вычесываешь.

– Хорошо, хоть бороду не сбрил, – треснул Риги сородича по плечу.

– Гном без бороды, что баба без титек! Хе-хе! А это с то-

бой кто?

– Это Дакша, – представил Риги спутника. – Ежели надумаешь с ним побороться, то будь готов получать по мягким местам! Хе!

– Присаживайтесь, – улыбаясь пригласил Васка гостей за стол. – Трактирщик! Водки и щей!

– Подождешь! – взвыл в ответ пухлый корчмарь, выставляя парящие котлеты на стол.

Дакшаа огляделся по сторонам. Практически все были либо торговцами, либо работягами с Гномовых гор. Попадались и вооруженные, но их было не много. Охрану мог позволить себе не каждый. Через стол от них сидела шумная компания играющая в кости. Дакша видел, как вскочил из-за стола торговец в шляпе с потрепанным гусиным пером и злобно зыркнув на мужиков, гневно что-то пробурчал и пнув лавку, ушел.

– Как-нибудь потом отыграешься! – выкрикнул торговцу в ответ лысый, точно коленка мужичок в безрукавке, оголяющей мускулистые руки с парочкой темных шрамов.

– Какими судьбами-то? – спросил Риги у Васки, облокотившись на стол. – Уж не думал тебя здесь увидеть. На тракте, да без рукописей, в какой-то захудалой корчме. Ты ли это?

– Я, – крикнул гном, облизывая ложку. – Пишу я труд касемо чародеев. И вышло так, что в тюрьме-то, близ Гномовых гор сидит один магик. Сидит давно, почитай уже два-

дцать лет. Вот к нему-то я и ездил...

– А зачем? – спросил Дакша. – Если не секрет, конечно?

– Не секрет, – обрадовался Васка энтузиазму слушателя. – Труд мой включает в себя описания магических возможностей и применение их в повседневной жизни.

– Чего? – поморщился Риги. – От магигов один только вред и не втирай, что польза какая-то есть.

Васка отмахнулся от собрата ложкой. И развернувшись к Дакше, продолжил:

– Так вот. Чародеи обладают поистине величайшими возможностями. Могут поднять огромную каменную глыбу под небо, осушить болото, потушить пожар, вылечить смертельные ранения...

– Ага, – усмехнувшись влез Риги. – Только делают они не то, что ты назвал, друг мой, а например такое: насылают дожди, разжигают пожары, убивают людей и себе подобных, крадут «особенных» детей.

– Вот ваша водка и щи! – Трактирщик не позволил Васке обругать приятеля, поставив на стол большой поднос с тремя деревянными тарелками, тремя металлическими стопками и одной глиняной бутылкой, покрытой испариной. – Щи горячие, водочка холодная – любо-дорого!

С этими словами румяный трактирщик умчался обслуживать остальных клиентов.

Риги откупорил бутылку и налил рюмки по краю.

– Ну, выпьем за встречу!

Путники чокнулись и опрокинули рюмки. Водка была прохладная, пошла хорошо и пришла очередь горячих щей.

– Ты, конечно, прав Риги, – прожевав, ответил Васка. – Чародеи делают много чего худого, но я-то пишу о том, что можно будет сделать, если направлять их энергию в положительное русло.

– Это как же? – уплетая щи, спросил Дакша. – Каждый чародей – свободный человек. И так же, как и у обычных людей, среди них есть хорошие и плохие.

Да очень просто! – вновь наполнил рюмки Риги. – Нужно отловить магигов, заковать в кандалы и пусть работают.

– Как каторжники?

– Да, как каторжники, – кивнул гном. – Чтобы с утра поднялись и до заката пахали. Я слышал, что живут они долго...

– Если не «высыхают», – дополнили Васка. – Когда я в тюрьме был, то магик, что там сидит, выглядел лет на восемьдесят. Вылитый старик. Но дай ты ему магический амулет из которого он силу возьмет, то вернется в рассвет сил. Это непостижимо!

– А засадили его за что? – отрыгнув, спросил Риги, вытирая бороду от кусочков капусты.

– Давай-ка выпьем, а там расскажу, – предложил бритый гном.

Ни кто противится не стал и рюмки вновь опустели. Заев щами, Васка оперся спиной на темную стену трактира и довольно погладив бороду, начал рассказывать под гомон от-

дышающих в трактире:

– Разговаривать мне с пленником разрешили только через решетку и в присутствии охранника. Говорят, что пусть он и старик в оковах, но все же чародей и фокус какой-нибудь выдать может. Так вот, посадили его лет этак двадцать назад. Его и еще одного чародея. Вышло так, что дал этим чародеям один князь работу. Нужно было достроить башню, а камень-то наверх доставлять было уже никак, вот и пригодилась сила чародеев. Работали они, по началу, славно. За неделю практически достроили башню. И вроде бы князь им и деньги уже заплатить хотел, да застучал ночью, как один из чародеев его дочку ночью потрахиывает. Хе! Уже за одно только это можно было вешать негодяев. И может так бы и сделали, да только тот чародей-заворожитель, что дочку-то князя оприходовал, решил выйти из воды сухим и отделав папашу дочки, выскочил из комнаты. После, они с товарищем, двух лучших коней у князя увели, но уйти из крепости не получилось. Пришлось чародеям защищаться и защита вылилась в трех убитых и десяток покалеченных гвардейцев.

Не знаю как, но не вздернули чародеев на первом же столбе, а отправили в тюрьму к Гномовым горам. Видать, хотели чтобы они с помощью магии добывали золото, дробили горную породу и еще чем-то там занимались. И здесь законники получили поносу, так как эти двое и пальцем не желали вести, чтобы даже камешек поднять. Понятное дело, что им долго и упорно объясняли, что нельзя себя так вести, но ни

к чему не пришли.

– А чего не повесили? – задумавшись, спросил Риги.

– Что-то произошло, – пожал плечами Васка. – Толи власть в тюрьме поменялась, толи остыла стража и надоело им мучить чародеев... В конечном итоге оставили их в верхних камерах, закованных и брошенных. Кормили, конечно, поили – и только. Так длилось целых пятнадцать лет. А после, один из чародеев сбежал.

– Из той тюрьмы-то! – недоверчиво pokrивился Риги. – Клетки из толстого камня, стальные решетки. Охраны до хрена. А если и выберешься, то вокруг рудники и карьеры! Три крепости, где каждого клейменного в шею крестом, ловят и без рассусоливаний сажают на кол.

– Я ж тебе говорю, что он чародей, – постучал Васка кулаком по лбу. – А чародей может многое. Я, кстати говоря, увековечу дело этих магов в истории, как неудачный пример использования дарованной силы.

– Вряд ли этот чародей хотел оставить такой след в истории, – усмехнулся Дакша, ощупывая подсыхающую в теплоте трактира одежду.

– Что посеешь, то и пожнешь! – коротко ответил и заодно произнес тост гном, поднимая рюмку.

Через стол, где играли в кости, еще один мужичок проигрался. Ему пришлось встать и снять кожаную курточку, а после отдать лысому крепышу, сидящему в компании приятелей, выглядящих совсем не интеллигентно. Мужичок хотел

было поставить на кон свои ботинки, охваченный азартом, но его успел увести друг, знатно матеря его глупость. Лысый довольно посчитал монеты и сгреб их в большой кожаный кошель, после чего затянул ляжки и сунул его за пазуху.

– Чего zenки лупишь? – обратился он к Дакше, наблюдающему за всем происходящим. – Давай, садись. Сыграем. Выиграешь куртяху, что тот лопух просадил. Хе-хе! Ну? Струхнул что ли?

Три его компаньона тихонько засмеялись, поддерживая главаря. Дакша еще с минуту пристально осматривал их, после чего обратился к Риги:

– Подкинь-ка мне пару монет, приятель. А то мне и за угощения-то нечем уплатить. А так хоть вложусь. Пары кун у тебя не найдется?

– Найдется, – прищурился Риги. – Да только не дам. По этим удальцам сразу видно, что они тебя до нитки оберут.

– Не переживай, – отмахнулся Дакша. – У меня рука легкая. Выиграю.

– Да что ты в самом деле! – буркнул Васка. – Да же обидно! Я вас за стол пригласил – я и заплачу!

– Я так не привык, – не соглашался Дакша. – Да тем более мне и самому деньги нужны. А ежели проиграю, то отдам тебе, Риги, меч свой.

– Меч у тебя хороший, – согласился Риги. – Не жалко будет?

– Жалко, а как же. Но это если проиграю.

– Держи. – Гном вытащил кошелек, шлепнув им по столу. – Если уж проиграешь, то учти, что я меч у тебя купил. Тут не много – пятьдесят кун.

– Спасибо, – опрокидывая стопку водки и вставая из-за стола, сказал Дакша.

– Ох продует, – пробормотал Васка, наливая себе и приятелю водки.

Дакша не спеша подошел к столу, осматривая сидящих за ним мужичков. Лысый едва сдерживал довольную улыбку. По правую от него сторону сидел худощавый с длинными сальными патлами пацаненок, а слева еще двое неприметных, широколицых крепышей без каких-либо эмоций на лице. На столе их стояли три бутылки водки и блюдо с зажаренными в масле и потертыми сверху чесноком гренками.

– А ты, мужик, рисковый, как погляжу, – улыбнулся лысый, как только Дакша сел за стол. – Деньги-то есть?

– Есть, – улыбнулся Дакша в ответ, положив около себя кошель. – Пятьдесят серебряных кун. Но давай-ка для начала поставлю пять.

– Идет! – хлопнул в ладоши лысый, доставая из кармана пять круглых серебряных монет и выкладывая их на середину стола. Дакша повторил его действие. – Бросай первый.

Собрав пять деревянных костей с вырезанными на каждой из шести сторон по номинальному числу полосок, Дакша опустил их в стакан, закрыл дно ладонью, встряхнул и гулко опустил на стол. 5,3,2,5,4.

– Девятнадцать, – посчитал Дакша. – Не плохо. А? Бросай ты.

Лысый долго тряс стакан, а как только поднял его, то оказалось, что выпало у него четырнадцать.

– У-у-у! – довольно сгреб Дакша монетки. – Спасибо за игру. Везет мне сегодня, но уж лучше пойду.

Лысый же чуть обомлел от такой быстрой игры и призвал Дакшу сесть, наливая ему и себе водки.

– Давай-ка, – вновь оскалился он в улыбке. – За победу твою.

Выпили. Закусили гренками с чесноком.

– Раз так везет, – не отступал лысый, – то давай еще разок кинем кости. Может еще поднимешь!

– Завязывал бы ты, – фыркнул Риги из-за скамьи.

– Уж не маленький! – дерзко ответил парнишка, сидящий по правую руку от лысого. – Сам решит.

– Давай! – стукнул Дакша ладонью по столу и сгреб кости в стакан. – Ставлю двадцать кун! Осилишь?

– Двадцать, так двадцать! – вновь отсчитал лысый денег. – Кидай!

– Один, два, три, четыре, пять! – подивился Дакша. – Чудно, как выпали-то. Эх, пятнадцать всего.

Лысый ловким движением скинул кости в стакан и опрокинул его на стол с характерным звуком.

– Что ж за черт! – возмутился лысый, видя на столе четырнадцать. – Везет тебе сегодня! Ей богу везет! Еще?

– Не боишься без денег-то остаться? – выкинул Дакша на стол весь кошель. – Как-никак ставлю семьдесят пять кун.

Люд в таверне услышав сумму, начал подтягивать к столу, заинтересованно смотря на болвана, поставившего столько серебра. Даже запыхавшийся трактирщик выглядывал из-за лавки и вставал на носочки, лишь бы поглазеть на того, кто просаживает деньги не заплатив еще за ужин, явно рассчитывая огрести потом дубиной по хребту.

– Ставь куртяху, – предложил Дакша. – Мне пригодится.

– Ты сначала выиграй! – оскалился лысый, бросив куртку на край стола. – Бросай, сучий сын!

Дакша бросил, на стол выпали все двойки. Лысый не выдавал довольства на лице, лишь ухмыльнулся краем губ и убрал руку под стол, что осталось замеченным лишь игроком напротив. Кости встряхнулись в стакане и брякнули по столу.

– Пять?! – вырвалось сдавленно у лысого из груди. – Сука... Пять! Как же так-то?! Что за херня?

– А такая, – чуть наклонился Дакша над столом, сгребая деньги и забирая курточку, – что лишила тебя денег и куртки. Будь здоров.

Он поднялся из-за стола, проследовав к Риги и Васке, довольно щерящих зубы и все же не до конца верящим в победу приятеля.

– Держи, – протянул Дакша кошель. – Это тебе за дорогу, угощения и комнату. Мы же, вроде как, собирались сегодня

здесь заночевать?

– Лихо, – покачал косматой головой гном, принимая кошель. – Лихо, ей богу! И впрямь ведь рука легкая.

Лысый и компания свернулись быстро и направились к лестнице на второй этаж, посматривая в сторону двух гномов и человека. А компания выигравшего, словно не замечая их, заказала еще водки и закуски, продолжая отогреваться в теплом, задымленном трактире.

Вышел Дакша с приятелями из-за стола когда на первом этаже трактира осталось всего пять человек, не сумевших подняться в свою комнату, от количества выпитого. Бабенки, помогающие упитанному трактирщику, шустрили около столов, убирая посуду, вытирая столы и стулья от крошек и пролитого пива.

– Вот так раз, – покачнулся Васка, опираясь на стол. – Ноги... мать их так, не держат...

Риги обернулся к столу, смотря на шесть бутылок водки и усмехнулся себе в бороду, заляпанную щами, мол: еще бы удержали! Дакша же заслужил огромное уважение гномов, пив с ними на равных и при этом не свалившись под стол. Правда держался он из последних сил, шаркая ногами к лестнице на второй этаж. Из-за большого количества посетителей не нашлось свободных комнат и Васка благородно пригласил Риги и Дакшу спать в свою, которую он успел-таки уцепить еще в обед. Риги сделал, как ему показалось, элегантный комплимент одной из убирающихся девушек, но ис-

портил впечатление гулким ветром, что не сумел удержать.

Кровь на эфесе

А взгляд-то у магигов тех какой? Поверье ходит, что и убить иной способен, коли глазами проклятыми зыркнет!

Утро для путников выдалось поздним. Дакша, правда, проснулся первым. Поднявшись с тяжелой, словно из чугуна головой он едва сдержался от смеха, увидев спящих в обнимку гномов. Риги уютно зарылся в рыжую бороду приятеля Васки и мерно похрапывал, поднимая в воздух жесткие волосы. Самому же Дакше пришлось спать на полу, подстелив лишь выигранную курточку.

В таверне было мало посетителей. Все разъехались ранним утром, спеша по важным делам. Сейчас в воздухе пахло яичницей, что готовил лысый корчмарь, надевший чистый блестящий белизной фартук. Дакша пошел на запах и заказал готовящееся блюдо и кружку темного пива.

Через полчаса появились и гномы. Держались они достойно, лишь встрепанные бороды и взвитые волосы на голове Риги выдавали их вчерашнюю попойку. Заказали они тоже, что и Дакша.

– Что не встретимся, – отпил Васка пива, довольно крякнув, – так надеремся, точно поросята.

– Это все из-за твоих свитков да писаний, – ответил Ри-

ги. – Трезвым тебя слушать не возможно, а под водку – диво дивное, словно соловья... Эх... Так значит ты на запад сейчас двинешь?

– Ага, – доел Васка яичницу, отодвигая тарелку. – Надо топтать... Погода хорошая, самое оно, чтобы проветриться и подумать над писанием. А вы к горам?

Риги одобрительно покачал головой, одним махом опрокинув полкружки пива в рот и не пролив и капли на бороду.

Вскоре они рассчитались с трактирщиком, он сказал, что будет ждать их еще и вышли на улицу. Гномы обменялись парой рядовых фраз, подшутили друг над другом, пока конюший не подогнал телегу Риги, а после крепко обнялись. Дакша пожал Васке мощную ладонь, поблагодарил за рассказанные им истории и запрыгнул в телегу, уложив меч в ножнах на колени.

Двинули? – спросил Риги.

– Двинули, – ответил Дакша, доставая точильный камень из сумки.

Свежий воздух. Чистое небо. Прямая дорога.

Телега тихонько поскрипывала на кочках дороги. Леса начали появляться и с левой стороны тракта. Места становились все более необжитые, а местность чуть холмистой. Вдалеке, если присмотреться, как следует, можно было увидеть синеву горных хребтов. Путники были в полутора днях от Гномовых гор. Как только они проехали широкое север-

ное ответвление тракта, ведущего к большому портовому городу Рыбин, то путников на дороге стало заметно больше. Часто появлялись большие телеги груженные горной породой, запряженные не конями, а парой мулов. Бывало встречались и путники с кирками на плечах. Впереди, милях в пятнадцати, находилась деревня каменщиков. Деревня была большой и жили в ней, в большинстве своем те, кто работал в горах.

– Нравится мне, – обратился Риги к Дакше, – как ты с мечом обращаешься. Лелеешь, словно любимую жинку. Молодец. Хе! Но, лучше, конечно, сталь в бою об кости точить... Слушай-ка, может поведешь телегу, если с мечом закончил? Мне бы бороду почистить от вчерашней попойки. Ну, как?

– Давай, – убрал Дакша меч в смазанные ножны и перелез на козлы, сменив гнома.

Гном достал из мешка костяную расческу, распустил растрепанные косы бороды и принялся усиленно ее вычесывать, что аж хруст было слышно.

– Ты говорил, что тебе шестьдесят лет, – объезжая большой булыжник, непонятно откуда здесь взявшийся, спросил Дакша.

– Шестьдесят три, – ответил гном.

– Я знаю, что для гномов шесть десятков, как для человека тридцать. Семью-то успел завести? Может детеныши есть?

– Не-ет, – протянул Риги. – Оно мне пока не надо. Пара знакомых женилась, так теперь сидят дома, точно старые

пердуны и даже в кабак через раз ходят. Я на такое пойти не могу! Уж мало я свободной жизни повидал... Вашему-то роду и вовсе хреново, – задумался гном, на секунду прекратив чесать бороду.

– Это почему же? – заинтересовался Дакша. – Головой об косяк бьемся?

– Ну-ну! – буркнул Риги. – Ростом-то вы может и длиннее, но силой-то гном любого обойдет. Да и вообще не об этом я... Вот тебе сколько лет?

Дакша на секунду задумался, словно с трудом вспоминая, после чего ответил:

– Пусть будет тридцать, но чувствую себя иной раз на все сто.

– Вот! – поудобнее сел Риги. – Тридцать годков и много ли еще осталось? Не обижайся, но век человека короток. Ваше племя живет дай боже до пятидесяти. Хотя, – задумался он посмотрев на крепкую спину сидящего на козлах Дакши. Гном видел много тридцатилетних мужиков и выглядели они так, словно через пару лет их уже объедят червяки – полная противоположность крепкому, шустрому попутчику с хорошими волосами и зубами.

– Чего сказать-то хотел? – обернулся Дакша, почувствовав на спине взгляд.

– Да вот, думаю, что ты протянешь поди лет до шестидесяти, – вновь вернулся Риги к бороде. – Я вот за шестьдесят два годка мало чего увидел в жизни, а что ты повидал за свои

тридцать? В два раза скуднее а может и того меньше. А если эльфов взять, то те и вовсе живут по пять-шесть сотен лет. С одной стороны вас жалко – век точно у блохи, а с другой... Если бы вы жили хотя бы сто лет, то сколько ж вас было бы?

– А у гномов сколько детей? – подогнал Дакша лошадку. – Меньше что ли?

– Два – и то редкость, – отложил Риги расческу. – Ладно, поведешь еще чуток, а я вздремну малость.

– Давай, – согласился Дакша.

– Риги, проснись... Риги! Риги, мать твою!

Гном резко сел на мешках, вылупив глаза и вертя башкой из стороны в сторону.

– Совсем охренел так будить? – буркнул было гном, но тут же замер, увидев быстро приближающихся к ним всадников. – Неладно?

– Чувствую, что да, – подогнал Дакша лошадку, принимая из рук гнома свой меч.

Уйти на телеге от конных все равно бы не получилось и вскоре Дакша увидел старых знакомых из таверны. Лысый, в безрукавке и кожаных штанах ехал первым, на поясе его колыхалась крепкая дубинка. Рядом скакал тощий паренек в оборванной рубахе, грязных мешковатых штанах с растрепанными длинными волосами. Через спину у него был перекинут арбалет. Двое крепышей скакали слева от Лысого, с мечами на поясах, а чуть позади еще один мужичок с чер-

ной густой бородой в ржавых, но видимо еще крепких латах. На его спине покоился щит, а под правой рукой сидел меч. Вскоре они поравнялись с путниками.

– Какие знакомые! – радостно воскликнул Лысый, придерживая лошадку. – Вот уж не ожидали вас увидеть.

– Seriously? – переспросил Дакша, внимательно посмотрев ему в глаза, держа вожжи одной рукой, а другой медленно вычерчивая какие-то невидимые узоры на ножнах. – Как вы гнали, я подумал, что спешите куда.

– В хорошей-то компании и проехаться не спеша можно, – продолжал улыбаться Лысый. В это время путники потихоньку окружали телегу. Тот что в ржавом нагруднике, на локотниках и наколенниках, внимательно смотрел на Риги.

– Заведено что ли у вас пялиться-то? – ухмыльнулся гном ему в ответ. – Что зенки давишь? Я баб люблю.

– Тихо! – гаркнул лысый резко, словно молот по наковальне, после чего добавил мягче: – Тихо. Что ж начинать-то с обид. Верно?

– Нет, – покачал головой Дакша. – Не верно, дружок. Езжай своей дорогой, а мы поедем своей.

– Дорога-то одна. Разве не видишь? – оскалился Лысый. – Да и нет на ней ни кого. Видишь?

– Вижу, – кивнул Дакша.

– Ну, раз видишь, – раздался писклявый голосок патлатого паренька сзади, – то скажи своему карлику, чтобы топорик-то опустил.

– Опускай, Риги, – попросил Дакша, развернувшись к гному. – Там видно будет.

– Верно, – похлопал Лысый по рукояти меча. – Ох верно, сученок ты эдакий! А теперь вертай-ка вон на ту тропку. Поговорим, раз такой сметливый. Люблю догадливых ребят.

Тропинка, словно специально, появилась впереди и Дакша аккуратно направил лошадь по ней, буквально сразу их со всех сторон окружили высокие березы. Зелень была густа и с тракта все равно бы ни кто ни чего не увидел. По тропке мало кто ездил, что было понятно по разросшейся траве. Видимо некоторые путники останавливались здесь на лагерь, чтобы перекусить и провести ночь. Впереди вырисовалась маленькая поляна с десятком срубленных берез и кострищ, в которых эти стволы сгорели. Стоило Дакше остановить взволнованную лошадь, как их со всех сторон окружили всадники с обнаженным оружием.

– Вот и приехали, – осмотрелся Лысый. – Хорошее местечко... Слезайте с телеги. Ну, – протянул он, видя, как Дакша берет меч. – Оставь его, коли стрелу не хочешь в брюхо получить. Давай, давай. А теперь отойди в сторону.

Дакша с гномом отошли на десять шагов от телеги, находясь под прицелом арбалета, зажатого в худых руках патлатого паренька.

– Ценна, наверно, только лошадь, – фыркнул Риги, смотря, как крепыши обшаривают мешки. – Телега подгнила. Но коли вы такие сучата, то берите.

– Пасть прикрой, – рыкнул один из крепышей.

– Давайте не будем ругаться, – прыгнул с коня Лысый. –

А то еще кровь прольется... Давай деньги.

Дакша без вопросов отцепил от пояса мешочек с пояса и протянул его на руке. Лысый усмехнулся, сделав шаг на встречу и тут же мешочек с кунами резко метнулся, ударяя его в глаз. Дакша развернулся и ударом ноги уронил Риги, за мгновение до того, как арбалетный болт просвистел и не найдя препятствия, унесся в чащу.

– Кончай их! – взревел Лысый, выхватив дубинку с пояса.

Удар во второй глаз сбил его с ног и Дакша ловко выхватил нож из-за голени бандита, кувырнулся, уходя от свистящего удара бородатого в латах и перехватив нож за острие, пустил его в бандита на возу. В следующее мгновение Дакша вскочил на козлы, подбирая меч и крутанувшись с телеги, высвободил его из ножен. На него был направлен арбалет патлатого оборванца, а бородатый мужик в латах уже заходил сзади. Свистнул болт. Увернуться было не возможно и Дакша выжал из момента все что мог, получая болт в левое плечо. Ножны выпали из руки, но он уже бросился вперед, полоснув арбалетчика по пальцам. Боль вгрызалась в плечо, но обращать на нее внимания было нельзя. Отвлекся – погиб. Сил едва хватило чтобы отразить удар латного и в тот же момент второй крепыш сбил Дакшу на землю, придавив телом и тут же заехав кулаком в челюсть, от чего мир в мгновение размазался всеми возможными красками. Сверкнула

сталь в крепкой руке насевшего борова, смердящего кислым потом, точно загнанная свинья. Но рука не ударила. Глаза Дакши вспыхнули всего на секунду, а крепыш вдруг обмяк повалившись набок.

Риги в это время сцепился с Лысым и теперь они рыча валялись на траве, охаживая друг друга кулаками, ногами и зубами.

– Не тронь! – остановил бородатый мужик в латах, спрыгивая с коня и останавливая рукой патлатого паренька, выхватившего нож левой рукой. – Он мой!

Латы бородатого были ржавыми, а вот меч блестел ослепля полировкой. Он снял из-за спины щит и закружил вокруг противника. Дакша, сжал зубы от боли и принял его вызов, подняв оружие. Бандит, видимо, был в прошлом рыцарем и за время своего беззакония еще не до конца забыл о чести. Хоть и было ее мало в битве с раненым противником. Он знал, что обладает преимуществом, ведь рабочая рука у него была левая и защищаться Дакше от ударов было бы отвратительно неудобно, что уж говорить об атаке. Рыцарь бросился вперед, махнув щитом и сделав обманный финт, крутанул волчком. Когда он увидел противника, то тот стоял с окровавленным мечом в руке в паре шагов от него. Силы вдруг молниеносно начали покидать бывшего рыцаря, а доспех стал давить, точно сделали его не из пресованной стали, а чугуна. Он посмотрел вниз и увидел, как бедро, его внутренняя сторона, вся залита кровью. Раненный

противник вскрыл ему артерию с хирургической точностью. Секунда и бородатый латник упал на колени, а патлатый оборванец вскочил на коня и погнал его прочь.

– Сука! На кого ты лезть вздумал! – нанес Рги три мощнейших удара по лицу Лысого, выбивая кровь из расквашенного носа и лопнувшей губы.

– Эй... – прохрипел стоящий на коленях бывший рыцарь, опираясь на меч со смертельной белизной на лице. – Кто ж ты, сука, такой?

– Тебе не пригодится, – оперся Дакша на телегу с трудом осматривая стрелу, крепко сидящую в плече. По все признакам были раздробленны кости. В глазах появлялись вспышки от дикой боли. – Риги!

Гном еще пару раз отвесил Лысому, лежащему без сознания или уже мертвому, после чего обернулся и увидел, как бандит в ржавых латах рухнул в траву, словно косою подсекли. У телеги стоял попутчик, ухватившись за основание болта в плече. Бросившись на подмогу, он с ужасом остановился, слыша дикий хруст плоти, а затем его глазам предстал окровавленный болт в руке Дакши. На наконечнике остался кусочек плоти с капающей на траву кровью.

– Помоги! – прорычал попутчик. Риги подскочил, подставляя плечо в опору. – Сейчас я потеряю сознание, но ты ни чего не делай и не бойся – не умру. Как очнусь, то лучше бы нам отсюда укатить.

Гном не знал что и говорить. Он помог Дакше залезть в те-

легу на мешки и укрыв его тряпицей, увидел, как глаза человека закатились и лишь губы едва заметно шевелились не издавая звука.

Пораженный всем произошедшим, Риги спрыгнул с телеги и не зная для чего начал собирать куны, брошенные Дакшей в лицо лысого. Собрал он не все, далеко не все и хотел уже было уезжать, как вдруг увидел меч попутчика на траве. Как только палец коснулся окровавленного лезвия, то Риги его тут же отдернул, пораженный жаром металла. Чертыхнувшись, гном послунял палец и тут же начал отплевываться от крови Лысого, запекшегося на руках. В конце концов он взялся за самую обычную рукоять и сунул меч в ножны.

Телега быстро покинула поляну, оставляя позади труп с ножом, по рукоять сидящим в груди одного; труп в латах, истекший кровью; труп полностью невредимого крепыша и распластавшегося на траве с изуродованным лицом Лысого.

Разговор по душам

Но коли прокляты чародеи, то как же исцелять-то они способны? Ведь и рану боевую заштопают и от приставления спасут! Может и есть в них сторона светлая?

Риги ехал быстро и лишь потом понял, что тряска может вредить Дакше, лежащему позади. Гном сбавил, оглянулся. Тряпица, укрывающая приятеля, пропиталась бурым пятном на левом плече и, вроде как, рана более не кровоточила. Губы Дакши продолжали едва заметно двигаться, а глаза пугали белизной белков.

Риги ехал, потеряв счет времени. Он не сильно-то волновался, встречая по дороге путников, затихающих, при виде гнома с синяками на лице и окровавленными руками, держащими вожжи. Риги совсем не волновала смерть бандюг – не в первой. Его интересовало, даже пугало то, кем являлся Дакша. Разве может человек на живую выдернуть засаженный под основание болт из собственного плеча? Нет. А еще и меч, пышущий огнем, точно горн. Меч лежал рядом на козлах. Риги то и дело смотрел на него и не замечал ни чего особенного. Хорошая сталь, постоянно полируемая, острая... Откуда жар?... Чародейство? Тьфу ты! Быть не может!

Размышляя и подгоняя лошадку, Риги не сразу заметил,

что солнце уже наполовину спряталось за горизонтом и теперь светит в спину последними теплыми лучиками. Нужно было искать место для стоянки. Ему вовсе не хотелось больше заезжать в какие-то рощицы и полянки в лесу и он направил лошадь влево к небольшому дубку, растущему под небольшим холмиком, поросшим ровным рядом сочной травы.

Еще секунду глаза Дакши были белы и вот он уже усердно промаргивался своей естественной голубизной глаз. Аккуратно отодрав тряпицу от раны, Дакша довольно буркнул и для верности еще и ощупал ровную кожу на месте раны. Чувствовал он себя чуть уставшим – не более. Меча рядом не было.

– Очнулся? – раздался голос Риги. – Я слышу, как мешки шуршат.

– Да, – прыгнул с телеги Дакша, – очнулся. Меч мой рассматриваешь?

В руках гнома поблескивала сталь, очищенная от запекшейся крови.

– Хорошо, что не забыл его на поляне, – присел напротив гнома Дакша, опираясь на колесо телеги. – А то пришлось бы возвращаться.

– Как рана? – криво усмехаясь спросил Риги, убирая меч в ножны. – Мне казалось, что ты из плеча кусок мяса выдрал, усердствуя с болтом-то. Или ошибаюсь?

Дакша и без намеков гнома понимал к чему идет дело. Риги знал, что он чародей, но от объяснений бы не отказался.

– Не ошибся, – поскреб Дакша ногтем запекшуюся вокруг раны кровь. – Чародей я. Выдернул стрелу, потом заговорил рану, введя себя в бессознательное состояние, чтобы сердцебиение приглушить, а то крови много бы вылилось. Ну, что ты так смотришь? Если бы не был я чародеем, то покрошили бы нас среди березок и...

– Если бы! – перебил Риги, приставив ножны с мечом к стволу дуба. – Если бы ты не был магом, то не выиграл бы в карты у тех бандюг и ни чего бы этого не было! Не подумай, что я боюсь драки... нет. Но ты обманывал меня и из-за тебя на нас напали. Вам, магам, конечно, срать на остальных и если бы я стрелу поймал, то ты бы перешагнул через мой труп и пошел дальше.

– Не люблю похвалиться, – смотрел Дакша без отрыва в глаза Риги, – но я тебя от стрелы спас. Разве нет?

– А если бы меня пригвоздили? – кисло усмехнулся гном. – Легко бы тебе пришлось? Ты едва с четверыми-то справился, что уж говорить про пятерых.

– Я бы переломал им хребты, – спокойно сказал Дакша, от чего Риги поежился. – Я не хотел выдавать себя, зная, что ты страсть как не любишь таких как я.

– Есть за что! – рыкнул гном. – Я тебе уже говорил. Если не хотел выдавать себя, то какого хера стрелу выдрал?

Дакша провел рукой по жирным, скатавшимся волосам,

посмотрев на темнеющее небо. После чего встал, подошел к дереву и взял свой меч. Риги тут же вскочил на ноги, схватив обоюдоострый топор.

– Успокойся, – нахмурился чародей. – За кого меня держишь-то? Думаешь навредить хочу?

– А хер его знает, – вызывающе бросил гном. – Я тебя не знаю.

– Оно тебе ни к чему, – ответил Дакша, доставая из телеги кожаную курточку, что он выиграл у Лысого в кости. – Я ухожу. Будь здоров.

Риги опустил топор, следя за тем, как Дакша забрасывает на плечо мешок и двигается в сторону тракта.

– Стой! – окликнул гном. – Ведешь себя, точно баба обидчивая! Давай, вертай!

Чародей не стал возражать, а как только вернулся к телеге, то Риги протянул ему крепкую, измазанную кровью ладонь.

– Ты, сука, хоть и засранец, – пробурчал Риги, – но правда твоя – ты меня спас в той роще. А Риги добра не забывает. Да и свыкся я с тобой ехать. Ну? Мир?

– Мир, – кивнул Дакша, пожимая руку гнома.

– Давай ужинать... чародей.

Костер путники разводить не стали, оба помнили, что патлатый оборванец, которому Дакша рубанул по руке, успел смыться и мало ли кого мог привести ради мести, хоть бы и милицию, прикинувшись жертвой нападения.

– Мечом ты орудуешь славно, – прожевав колбасу и запив остатками пива из бочки, сказал гном. – А одет, ей богу, как оборванец, ежели куртку выигранную в счет не брать. Почему не в кольчуге? Чего не носишь доспехи?

Дакша съел свою порцию колбасы, разжевал очередную горсть сухарей и запив это пивом, ответил:

– Фух! Проголодался я жутко... А доспехи тяжелые и уход за ними требуется. Поворачиваться в бою трудно, а если тебе палицей по ребрам дадут, то и не снимешь их после боя без кузнеца. Замедляют только и больше ни чего.

– Был бы в доспехах, – почесал гном подбородок, – болт бы не пробил.

– Ага, – сгреб Дакша очередную горсть сухарей, отправляя в рот по одному. – Получил бы по затылку или меж сочленениями доспеха мечом.

Они еще долго сидели допивая пиво и хрустя сухарями. Ночь за это время набрала обороты и в чистом небе разгорелись звезды. Гном кряхтя устроился на телеге, скинув попутчику пару мешков под голову, но уснуть как-то не мог – слишком много всего произошло за день.

– А меч тоже заколдовал? А то я к нему прикоснулся, так он горячий был.

– Да, – в полудреме ответил Дакша, укрывшийся выигранной курточкой. – Только его и успел заговорить. Если бы ты в бою прикоснулся, то пришлось бы пальцы от волдырей лечить. Этот заговор режет доспехи, точно нож масло.

– Чудаковато все это, – припустил гном из-под накидки. – Вот не встречал я раньше вашего брата, так считал сучьими детьми и в жизни не подумал бы, что буду вот так разговаривать, мирно попердывая. Все же меняется все со временем.

Дакша промолчал, над чем-то думая, после чего едва слышно пропел хриловатым, сонным голосом:

В мире магия возникла,
И появился чародей,
Такой ж, как мы – отличий нету,
Лишь льется серебро снутри.
Дана и сила и года,
И голова на месте,
И делал бы геройские дела,
Да слишком скользок, стерлядь!

Гном вновь задумчиво пустил с телеги, поворочался и уснул.

Каменка

*Пусть мне покажут чародея, что не единой
жизни не загубил и я поверю в происхождение их
светлое!*

Утро для путников наступило поздно. Оба сильно устали и проснулись, когда солнце уже высоко стояло в небе. Холм разрисовали тени облаков, медленно плывущих по синему небу. Риги проснулся раньше и дико матерясь вскочил с телеги, разбудив тем самым и Дакшу.

– Вот так подрыхли! – возмутился гном, собирая пожитки. – Хоть лошадь воруй! А может... – посмотрел он на попутчика.

– Удиви, – продирая глаза, пробормотал Дакша.

– Зачаруй-ка лошадку! В миг доскачем!

– Отстань, Риги, – усмехнулся чародей. – Давай лучше тебе задницу скипидаром намажу.

Гном секунду переваривал сказанное, после чего захохотал и пошел запрягать лошадь, матюкнув попутчика.

Выехали через час. Видимо от спешки у Риги прихватило живот и он пару раз показывался из-за дуба, после чего скоро бежал обратно. Когда же вышел, то лицо его аж побледнело.

– Зад у меня так не трещал с того момента, как ты ножами настучал. Живот крутит... Ух... Видимо пиво скисло,

зараза! А пили ведь вместе...

– Лезь в телегу, – запрыгнул Дакша на козлы. – Я могу скисшее молоко выпить и ни чего не станется.

– Везет, – завалился Риги на мешки, поглаживая живот. – А у меня знакомый ноги протянул от усрачки! Вот так смерть героя! – захохотал Риги и тут же скукожился от боли.

– Ни чего удивительного, – тронул чародей лошадку вожжами. – Из него ушло много воды. Обезвоживание...

– Ага, только не воды много из него ушло а... Ух!

– Тебе бы тоже не помешало воды чистой попить, – обернулся Дакша, смотря, как гном морщится от резей. – Да и на телеге поди неудобно.

– Поселение каменщиков не далеко. Надо бы остановиться там. Эх... Еще с вчерашнего дня меня вздувало... Всю ночь аж накидка подлетала...

Риги с каждой минутой становилось все хуже и вскоре он уже ни чего не говорил, лишь скрипел зубами. Телегу приходилось останавливать каждые полчаса, чтобы гном добрал до кустов. Лошадке пришлось не сладко, ведь Дакша ее не жалел, стараясь побыстрее доехать до поселения. Пару раз он тихо что-то шептал и гном на пару минут забывался сном, но вскоре вновь его живот заунывно рычал, а лицо искажала боль.

Прошло около трех часов и времени было за полдень, когда Дакша увидел выложенную камнем дорогу, уходящую на северо-запад и теряющуюся меж двух зеленых холмов.

Перед дорогой стоял указатель с двумя деревяшками на них. На первом было написано: «Гномовые горы», на втором – «Каменка». Лошадь зацокала копытами по гладким камням, под болезненное ворчание Риги. Дорога к Каменке была оживленной – три телеги навстречу, около двадцати пеших и половина из них с кирками на плечах. Дакша спросил у них про лекаря и оказалось, что в поселении есть ведунья-травница. Спросив дорогу, он погнал лошадь.

Поселение каменщиков было большим. Всюду возвышались деревянные дома на высоких каменных фундаментах с соломенными, а где и черепичными крышами. Каменка была построена настоящим профессионалом без толики фантазии и представляла собой квадратное поселение с квадратной площадью посередине и с четырьмя главными дорогами на все стороны света, встречающимися на площади. Были еще маленькие улочки меж домов. Дакша сравнил бы поселение с маленьким городком, но кроме домов, церквушки и дома советов здесь ничего больше не было. Улицы полнились людьми. Где-то звучал молот кузнеца, откуда-то лаяли собаки и гудели дети, а чуть поодаль телега, нагруженная горной породой, стучала по вымощенной камнем дороге. Серость улиц била в глаза. Лишь иногда около домов росло какое-нибудь дерево или цветы.

Дакша проехал по западной улице и пересек площадь по краю, объехав какое-то сборище людей, жужжащих точно улей. Казалось, что вся Каменка собралась на площади

и чародей свято надеялся, чтобы травница осталась у себя. Дакше приходилось встречаться со многими травницами и от них всегда несло кислым потом и помесью ста разных трав, что превращалось в блевотворный коктейль ароматов. А еще ведуньи чувствовали магов и скрыть натуру было сложно, если, конечно, не быть опустошенным. Чародей поморщился от предстоящей встречи, представляя древнюю старуху, вытирающую пот из-под обвисшей груди, словно стоящим рядом это не противно.

Впереди показался такой же, как и все дом на высоком фундаменте с соломенной крышей и дымком из трубы. За домом Дакша заметил небольшой, но густо усаженный сад, пестрящий разнообразием красок. Остановив лошадку около дома, чародей перелез в телегу, намереваясь взять гнома на руки, но Риги начал возмущаться и лишь позволил помочь ему спрыгнуть на землю.

– Сначала путешествуешь с магом, теперь ковыляешь к ведунье... Что со мной случилось?

– Отравление, – поддерживая приятеля, слегка дрожащего от слабости, ответил Дакша.

– Ой, да иди ты в...

Крепкая дверь дома травницы отворилась и Дакша замер на секунду, смотря на вышедшую девушку. Рыжие, точно огонь волосы спадали волнами на белоснежные плечи, наполовину прикрытые легким, летним платьицем, выделяющим молодую грудь. Платье спускалось чуть ниже колен, остав-

ляя на виду стройные, тонкие ножки. Девушке было не больше двадцати лет, то самое время, когда красота пышет своей неудержимой яркостью и одурманивает мужчин, заставляя их терять голову.

– Приветствуем, – поздоровался Дакша, наклонив голову. Риги вяло махнул рукой. – У моего приятеля сильное отравление. Будь добра, позови травницу.

Девушка осмотрела гнома, а после и ведущего его человек и поведя чуть вздернутым вверх носиком, усыпанным веснушками, проговорила:

– Чародей ведет больного гнома... Мир перевернулся?

– Вот, – прокряхтел Риги. – И я о том же...

– Не кричи так громко, – попросил Дакша. – Магов не любят. А ты, как я понимаю и есть травница. Как зовут тебя, ведунья?

– Первому встречному, а к тому же магу – не собираюсь говорить! – фыркнула рыжеволосая, приглашая жестом в дом.

– Меня зовут Дакша, – заходя, сказал чародей. – Его Риги.

– На койку, – властно сказала девушка, указывая в дальний конец большой комнаты, где около окна стояла широкая, крепко сколоченная кровать, устланная белоснежным покрывалом.

Все стены были увешаны вязанками трав и даже через всю комнату была протянута веревка с сушеными кореньями. От всего этого изыска запахов свербело в носу и Риги

резко схватился за него, чудом остановив чих и тем самым уберег себя от возможного позора. Но даже в сотне запахов, Дакша сумел уловить один особенный – запах живущей здесь травницы и пахла она не кислым потом, а как-то сладковато. Аромат был знаком, но сейчас чародей не смог бы его назвать.

– Все, – отстранила рыжеволосая Дакшу от койки, где растянулся Риги. – Выйди. Только мешать будешь. А телегу можешь за дом завести. Живее, чародей!

Возражения не принимались и Дакша покинул дом. Как только он вышел на свежий воздух, то тут же разразился чередой чиханий, согнувших его пополам. Придя в себя, он повел лошадь за дом травницы. Оказалось, что за домом было стойло на двух лошадей. Видимо к ведунье часто приезжали издалека и пришлось обзавестись и стойлом. Чародей распряг лошадь, накинул поводья на колышек, подбросил соломы и направился в сторону площади. Когда он проехал около толпы людей, то почувствовал что-то странное, но тогда нужно было доставить гнома к травнице, а не раз узнавать что к чему. Теперь же ноги сами вели его по незнакомым улочкам туда, откуда лился гомон толпы.

Еще из далека Дакша почувствовал тревогу и прибавил шагу. Легкое жжение в пальцах едва ли не заставляло его броситься бежать к площади. Чувство было до ужаса знакомое – магия. Его тянуло к площади, точно магнитом. Когда же он наконец вышел из-за дома и увидел толпу людей,

то страсти закипали и угрожали вылиться во что-нибудь серьезное.

– Сучий выродок! – услышал Дакша, приближаясь к толпе. – Где дитя? Украл ребенка, сволота! На кол его!

– Я спас вас! – раздался в ответ рык из окружения толпы. – Вы и понятия не имеете во что все могло обернуться, дураки!

– Что вы его слушаете?! – взвизгнула баба. – Бейте его!

Дакша побежал, видя, как толпа начала сжиматься, подобно кулаку. Но не успел он сделать и десятка шагов, как из толпы высоко вверх что-то вылетело, дика визжа. Это были два мужика, выронившие в полете из рук дубинки. Один был в черном кожаном доспехе, второй грохнул об каменную площадь блестящими латами. Оба не смогли встать, оглушенные ударом. Толпа дрогнула, но лишь на миг и вновь бросилась в атаку, а через секунду оглушительный хлопок повалил всех на колени. Дакша увидел мужчину в длинном плаще, с белой бородой и длинными женскими волосами, свисающими ниже плеч. Седоволосый возвел руки над поднимающимися с колен людьми и резко дернув ими, выхватил невидимой дланью двух человек. Одной из них была женщина, дрыгающая ногами и визжащая, точно свинья, обезумев от ужаса. В другой руке вертелся паренек, мертвой хваткой держащийся за рукоять серпа и махал он им так, словно желал перерубить невидимую руку.

– Глухие холопы! – прорычал седоволосый. – Я спас вас

от смерти, а вы такой монетой решили расплатиться?! Ну, что ж! Принимайте сдачу!

В один миг он свел руки вместе и серп паренька вонзился в тело визжащей бабы, тут же умолкнувшей, обвиснув в невидимой руке. Паренька чародей перевернул вверх тормашками и отпустил. Дакша услышал характерный хруст ломающихся позвонков. Люд, до этого желающий на кол посадить чародея, вдруг хлынул во все стороны, сверкая пятками.

Не медля и секунды, Дакша бросился на седовласого, тихо бормоча что-то под нос. Оба встретились взглядами и седовласый на секунду замер, но в следующее мгновение его руки были выброшены в сторону Дакши и на пальцах свернули миниатюрные молнии. Он подождал пока противник подбежит ближе, чтобы не промахнуться и резко разжал пальцы, направляя в Дакшу четыре сверкающие серебром искры... Чародей понял, что сплеховал лишь тогда, как три молнии рассыпались о грудь бегущего, а четвертая лишь едва его развернула, заставив хищно оскалиться. Дакша на всей скорости врезал седоволосому в солнечное сплетение так сильно, как только мог, а после крутанулся, отстегивая с пояса меч в ножнах. Собрав всю энергию от вращения, он вложил ее в удар и заехал чародею по спине, вонзая металлические пирамидки ему в кожу. Седоволосый едва успел охнуть, падая на камни площади и тут же тяжелый сапог опустился ему на пальцы рук. Хруст ломающихся костей повторился. Ча-

родей взвыл и вновь раздался хруст, но уже на другой руке. Завершающим штрихом был удар сапогом в челюсть.

Жители Каменки, только что уносившие ноги и кричащие, точно напуганные дети, остановились, дивясь произошедшему. Они с открытыми ртами смотрели на незнакомца, присоединяющего ножны на пояс и склоняющегося над поверженным противником.

– Стража! – выкрикнул Дакша. – Он ваш! Ведите в тюрьму!

Стражники появились скоро, среди них были и те, кого седоволосый человек выбросил из толпы, словно котят. Двое быстро связали руки чародея с переломанными пальцами за спиной, сунули ему кляп в рот и натуго перетянули глаза платком. Высокий стражник подошел к Дакше, оценивая взглядом героя. Был он одет в черный, кожаный нагрудник, поверх серой рубахи, в черные сапоги и лишь светлые волосы контрастировали с чернотой. Было ему лет тридцать-тридцать пять.

– Капитан стражи в Каменке Леонид, – представился он, встав перед незнакомцем.

– Я – Дакша, – ответил чародей. – Странник.

– Хм... – заткнул капитан пальцы за пояс. – Ловко ты его, странник, отделал. Толпа не справилась, а у тебя получилось.

– Если в толпе один побежал, то побегут и остальные, – спокойно ответил Дакша. – Что с ним будет?

– Суд, – смахнул Леонид пот с выдающегося лба. – Потом

сожгут, а может перед этим на кол посадят. Как по мне, так уж лучше сначала на кол. А ты как думаешь, странник?

– Не мое это дела, а стражи, – ответил Дакша. – Главное, чтобы не убил больше ни кого.

– Куда ему теперь, – неотрывно смотрел капитан в глаза странника. – Ты ему грамотно пальцы сломал. По чем знал, что так надо?

– Он же их на меня направил, – пожал плечами Дакша. – Я и подумал, что наговорит чего или как того паренька приземлит. Суд-то когда будет, капитан?

– Да, – почесал Леонид затылок, смотря на шею странника с запеченной кровью и отсутствием раны. – Утром. Ежели промедлить, то люд его из тюряги-то вытащит и разорвет и ни какого тебе «на кол». Ха-ха!

Дакша едва улыбнулся уголками рта, заметив куда направлен взгляд капитана.

– Пойду я, пожалуй, – сказал он, кивнув главе стражников. – Опрокину в таверне кружку другую.

– Постой, – бесцеремонно ухватил капитан странника за руку. – Что ж у тебя на шее кровь-то засохшая, а раны-то и нет? Пояснишь?

– Обязан?

– Пока нет, – улыбнулся стражник.

– Тогда нет. Пойду я, капитан. Будь здоров.

Дакша зашагал в сторону дома травницы, чувствуя на спине пристальный взгляд капитана. Люд на площади его тоже

проводил глазами, пока он не исчез за углом дома и не вступил на восточную улицу.

– Постой! – раздался из-за спины голос. Дакша обернулся. – Ловко Вы того магика отлупили!

Перед ним стоял молодой человек, лет этак восемнадцати, наголо стриженный в оборванной, грязной одежде из грубой ткани.

– Ну, спасибо, – кивнул ему Дакша, продолжая идти дальше и чувствуя, что пацан увязался следом. – Еще чего хотел?

– Я слышал, что Вы в таверну путь держите? – спросил пацан, подходя ближе. – Не знаете ведь где она?

– А ты, конечно же, знаешь.

– А то! – засиял оборванец.

– Ну, пойдем, – осмотрел Дакша тощего пацана, поняв, что он вряд ли отвяжется, да и покормить его не мешало бы. – Только дойдем до травницы.

– Маришки что ль?

– Маришки, Маришки, – улыбнулся Дакша, зашагав по улице.

В хату травницы он заходить не стал, а сразу обошел ее и взял с воза свой мешок и достал из него кошель. Вместе с оборванцем они пошли к таверне, которая, как оказалось была от площади всего в паре домов. Таверна представляла из себя каменное, двухэтажное строение с небольшими окнами и соломенной крышей. Крыша выделялась желтоватым цветом соломы, по всей видимости, ее настилали совсем

не давно. Перед дубовой дверью, покрытой подобием лака, стояли трое мужиков, обсуждая случившиеся на площади событие. Но как только Дакша с провожатым подошли, то они умолкли и отступили от двери, освобождая путь. Чародей ни чего не сказав прошел в таверну.

Люду в таверне было много и все галдели и вновь умолкли, увидев вошедшего. Дакша прошел по земляному полу, утопанному со временем чуть ли не до каменного состояния. Свет лился на столы расставленные справа и слева у стен. В дальнем конце таверны находился большой камин с горящим в нем огне, облизывающим чугунный котел с бурлящей похлебкой. Перед камином был большой прилавок. Именно к нему пошел Дакша, а следом за ним оборванец. Люд, видя, что незнакомец не обращает внимания на их молчание, постепенно вернулись к обсуждениям, только чуть тише чем прежде.

– Привет, хозяйка, – поздоровался Дакша с крупной женщиной в возрасте, помешивающей похлебку в котле. – Пиво есть?

– А куда ж ему деться-то? – ответила она, не оборачиваясь. – Еще чего?

– Налей-ка нам похлебки две порции, хлеба и колбасы кровяной.

– Садитесь, сейчас принесу. – Хозяйка повернулась и чародей увидел на ее лице уродующий шрам. Кожа на левой щеке была корявой и красноватой. Ожог.

Дакша уселся за стол ожидая заказ, оглядывая присутствующих в таверне людей. Были здесь и мужики и бабы. Некоторых он видел еще у седоволосого чародея, других не признавал, да и не хотел. В Каменке люд походил друг на друга и, скорее всего, было это из-за серых одежд, которые местные так любили. Мужики же носили бороды и отличались ими лишь по цвету, а у баб на головах были серые и белые платки – все разнообразие.

– Откуда путь держите? – поинтересовался лысый паренек, усевшийся напротив Дакши.

– Из далека.

– А куда? – смутился оборванец.

– Не далеко.

– К Гномовым горам, значит?

– Туда, – кивнул чародей. – А ты здесь живешь? В Каменке?

Парнишка одобрительно склонил голову, почесывая грязную шею. Походил он на бездомного – уж больно тощий и грязный. А еще озирался постоянно, точно его могут схватить за рваный ворот и дав пинка выбросить на улицу.

– Часто к вам магики заезжают? Вроде того, что на площади, – спросил Дакша, отстраняясь, чтобы хозяйка трактира без помех поставила тарелки и пиво на стол. Через минуту был на столе и хлеб с кровавой колбасой.

– Сколько живу, – задумался парень, почесывая затылок, – так не упомяну кроме этого никого. Может, конечно,

и заезжали, но себя не выдавали. Их ведь хер поймешь, пока не начнут молнии пускать и людей убивать, точно назойливых мух. А чего интересуетесь?

– Смело у вас народ на него пошел, – ответил Дакша облизывая деревянную ложку. – Так, словно и раньше поколачивали магигов.

– Это они от незнания, – прошептал оборванец, чтобы ни кто из присутствующих не услышал и не посчитал себя оскорбленным. – А как только пинков от того чародея получили, так и бросились в рассыпную. Стыд и срам.

– А сам-то? – улыбнулся Дакша. – Ты не убежал?

– А я и не лез, – пожал плечами пацан. – Мне и бежать не нужно было.

Чародей ни чего не ответил, лишь разорвал каравай и отдал половину соседу по столу. После недолгого молчания и бряканья ложками по дну миски, он сказал:

– Говорил я с вашим капитаном, так он похвалялся тем, что на кол любит проштрафившихся сажать. Аж глаза у него загорелись. На площади сажают-то иль в тюрьме?

– На площади, – усмехнулся парень. – Тюрьма-то на юге поселения стоит и не пускают туда ни кого, коли чего не сделаешь не того. А на площади для люда казнь – лучшее развлечение. Чего тут еще интересного может произойти? Вот казнь и стала основным празднованием.

– А чего люд на магика пошел, а не стража? – меж делом спросил Дакша. – Странное дело.

– Потому, что стражников всего-навсего тридцать человек и патрулируют они постоянно улицы, приставая к таким, как...

– Ты, – закончил Дакша, отгрызая кровавую колбасу. – Ты бездомный и стража от таких и ждет преступлений иль еще каких провинностей. Все, как везде.

Паренек кивнул в знак согласия и принялся усердно доедать хлеб с колбасой. Дакша вновь почувствовал колкость в кончиках пальцев и возвел глаза к двери таверны, увидев травницу. Ведунья ярко выделялась на фоне поселковых баб. Одно лишь платье темно-синего цвета, достигающее до колен срывало мужикам голову, а у баб вызывало злостную зависть. Дакша отчетливо услышал шлепок и повернулся на звук: одна из жен не выдержала и залепила мужу оплеуху за вытарашенные глаза. Травница не обратила на это внимания, поздоровавшись с парой человек и направившись к хозяйке. Дакша проводил ее взглядом и не получив взаимности в ответ, вернулся к колбасе и пиву.

– А чего Ваша лошадь у Маришки за домом в стойле стоит? – просто и прямо спросил оборванец с набитым ртом.

– Приятеля моего лечит, – ответил Дакша, посмотрев в окно. Вечер приближался и свет в окнах таверны стал более оранжевый, извещающий о скором закате. – Отравился он.

– Вот так да, – улыбнулся оборванец и только теперь чародей понял, что паренек охмелел.

– У тебя дом-то есть? – поинтересовался Дакша, заранее

зная ответ.

– Был, когда-то, – присмотрелся пацан к шее сидящего напротив. – Вам бы кровь стереть, а то паршиво выглядит.

Дакша пошарил в кошельке и выложил на стол пять кун.

– Отдашь их хозяйке за комнату и попросишь в бане помыться, понял? – оборванец кивнул. – Но если смоешься с деньгами, то... Ты видел, что я сделал с тем чародеем?

Парень протрезвел на секунду, вытаращив глаза на, как оказалось, не знакомого ему человека.

– А теперь иди, – сухо сказал Дакша и положил еще три куны, добавив: – Закажи мне пива и себе возьми в комнату.

– Спасибо, – неуверенно кивнул оборванец, направившись к хозяйке неловкой хмельной походкой.

Дакша же вновь уловил сладостный аромат. На место паренька села травница с ниспадающими на плечи рыжими волнами. Зеленые глаза заблестели в свете зажигаемых хозяйкой масляных лампах.

– Как там Риги? – поинтересовался Дакша, наслаждаясь ее ароматом. Колкость в пальцах не прошла. – Ему лучше?

– А ты как думаешь? – вызывающе бросила травница. – Я ж ведунья-травница. Думаешь не справлюсь с дизентерией?

– Я думал, что это отравление, – отхлебнул чародей пива. – Слушай, ты чего на меня взъелась? Я тебя не обижал и...

– А ты попробуй, – оскалилась рыжая в ухмылке. – Дума-

ешь, если напинал чародею на глазах у всех, так стал неприкасаем? Каково собрату пальцы ломать?

– Не приятно и не отвратительно, – пожал плечами Дакша. – Я был бы тебе признателен, если бы ты не кричала так громко – вдруг кто услышит? А если услышат, то могут и твою тайну узнать.

Маришка холодно метнула на чародея взгляд, пронзительно глядя на его легкую улыбку. Было заметно, что она стушевалась, но всего лишь на мгновение.

– В Каменке не любят чародеев, как и везде, впрочем. А как местные жители отнесутся к тому, что их лекарь на половину магик? Посмотри, Маришка, и скажи мне, кто из этих людей, что пьют и обсуждают будущую казнь, будет выкрикивать: «Сожгите чертову ведьму!» Так что, – допил Дакша пиво, – не будем сориться, тем более, что такой милой девушке не пристало хмуриться... Хм... А сколько тебе лет?

– Подобное у девушки не спрашивают, – холодно ответила Маришка. – Или чародея не научили хорошим манерам?

– Почему же? – принялся Дакша доедать кровавую колбасу, поглядев в окно. – Научили. Но ты не просто девушка, ты – травница-ведунья-чародейка. Таких редко встретишь. Так что, сорок? Пятьдесят? Неужели больше?

Улыбка на лице Дакши заметно выводила Маришку, но она продолжала его слушать поигрывая скулами.

– Я, в отличии от тебя, не убиваю, а спасаю людей. Может вспомнишь про своего друга? Как думаешь, приятно

находиться в одной комнате со смердящим гномом? Подобные тебе уничтожают все на своем пути... Не пытался кровь с шеи отмыть? Я чувствую, что она твоя. И знаю, что тот, кто тебя ранил уже мертв...

– Вот и ошиблась, – спокойно ответил чародей. – Он жив. А вот за гнома тебе моя благодарность. Я с радостью заплачу за твои неудобства.

Травница фыркнула, сведя руки на груди и посмотрела на Дакшу так, словно он предлагал ей не серебро, а яд.

– Мне твои деньги ни к чему. Деньги покрытые кровью? Нет, спасибо. В благодарность, – склонилась она над столом, смотря в глаза Дакши. – В благодарность уезжайте с гномом завтра утром и не возвращайтесь.

Дакша не ответил, положив руки на стол перед собой. Палец указательной руки направился на Маришку. Медленно крутясь по часовой стрелке, он поднял рыжую прядь волос с ее головы и направил под нос. Травница в момент перерубила заклинание чародея легким взмахом руки.

– Что ты делаешь? – оглядываясь по сторонам, испуганно прошипела она. – Хочешь на костер?

– Любопытно... Ладно, – похрустел Дакша пальцами. – Мы уедем с Риги утром. Можешь не переживать.

– Будьте любезны, – встала Маришка из-за стола и поспешила к выходу.

Чародей проводил ее взглядом. Вскоре хозяйка принесла ему еще пива. Приняв кружку, Дакша посмотрел в темнею-

щие окна и погрузился в размышления.

В таверне люду становилось все больше. Рабочее время закончилось и все стремились поговорить, обсуждая богатый на события день. Кружки стучали друг об друга, жужжание люда взвивалось под потолок, а камин кидал на них всех причудливые тени, весело потрескивая сухими поленьями. Из размышлений Дакшу вырвала подошедшая женщина. Было ей около пятидесяти лет. Глаза походили на темные колодцы и как и в колодце в них стояли слезы.

– Извини, – шмыгая носом, тихо выговорила она, присаживаясь напротив. – Я хотела бы тебя поблагодарить...

– За что же? – потер чародей глаза.

– За то, – едва сдержала всхлипывание женщина. – За то, что отомстил за моего сына... Ему чародей шею... слом...

– Я понял, – кивнул Дакша, сделав глоток темного пива. – Не благодари. Сына-то твоего больше нет.

Женщина взяла себя в руки, громко утерев нос и смахнув слезы с темных, заплаканных глаз.

– Да... Но теперь его убийца, благодаря тебе, будет казнен... Мой... мой сын... Он будет отомщен... Спасибо.

Дакша вновь кивнул, прячась за дном кружки с пивом. Женщина уже хотела уходить, как Дакша вдруг спросил у нее:

– А ребенка давно он украл?

– Какого ребенка? А, ну да... Три дня назад, – выговорила женщина. – Так ее и не нашли... Стража сказала, что ис-

кать уже нет смысла... Убил, наверное! Для чародеев же это в порядке вещей...

Женщина вновь разрыдалась и быстро покинула таверну в тишине, которая тут же заполнилась прежним жужжанием. Вслед за ней вышел на темную площадь и Дакша. Вечер был стар. Луна еще не вышла, а солнце уже скрылось и от того на улицах стало темно. Чародей подышав чистым вечерним воздухом и направился в сторону южной улицы.

Выпью до дна

Но разве может чародей являть добродетель, коли ему добро чуждо? Не раз их братия детей из деревень воровала... Бездыханные тельца потом в грязи валялись и в глазах их пустота таилась...

Улица так же была темна, лишь вдалеке мелькали факела стражников, патрулирующих улицы Каменки. Факелов было не мало. Лишь на одной улице чародей насчитал троих и можно было предположить, что в тюрьме было около восьми человек. Дакша увязался за одним из стражников, держась поодаль и прячась каждый раз, как тот поворачивался, чтобы пойти в другую сторону. Слежка затянулась на час, а может и дольше. За это время стражник около пяти раз отпивал из фляжки, что хранил за пазухой и два раза поливал фундамент домов. Наконец-то слежка перешла в следующий этап и стражник побрел по южной улице. По пути он встретился со сменяющим его коллегой и еще около четверти часа они что-то обсуждали, громко хохоча. Выпив из фляжки, они разошлись и чародей пошел за пошатывающимся законником.

В конце концов он оказался на окраине Каменки, где стояло каменное, двухэтажное здание, огороженное забором в десять локтей. Подвыпивший страж порядка остановился

около ворот и начал о чем-то разговаривать со стражником несущим пост. Дакша, тихо ступая в тени дома, прошмыгнул между домом и тюрьмой и оказался с другой стороны. Забор здесь был сплошной и перелезть через него было не так-то и просто, но другого прохода чародей не видел. Отойдя на десяток шагов, он разбежался и оттолкнувшись от каменной забора, зацепился руками за край. Подтянувшись, Дакша проверил что находится по ту сторону и не увидев ничего кроме какого-то хлама, темнеющего в ночи, перемахнул через стену, мягко приземлившись. Перед ним оказалась дверь, ведущая внутрь здания. Дакша прижался к стене, прислушиваясь, но ни чего кроме хохота стражника у ворот не услышал – стены были слишком толстые. Отстегнув меч с ножнами от пояса, чародей попробовал приоткрыть дверь и она оказалась незапертой.

Внутри тюрьмы пахло сыростью и было темно, лишь пара масляных ламп висели на стене, разжигая мрак. Дакша оказался в небольшом коридорчике, конец которого вел к лестнице на второй этаж. Пройдя по нему, Дакша заглянул за угол и тут же прижался к стене, услышав шаркающие по каменному полу шаги, направляющиеся к нему. Через мгновение шаркающий вышел и только повернул в коридор, как получил молниеносный удар в кадык, а как только согнулся то по затылку локтем. Чародей едва слышно чертыхнулся, затащив потерявшего сознание стражника в глубь коридора. Более ни кого на первом этаже не было. Коридор

уходил на второй этаж и к главному входу, где посередине комнаты на столе таяла свеча, бросая свет на стенд с дубинками, шлемами и факелами. Дакша аккуратно снял один из шлемов с забралом, сдул с него пыль и пошел к лестнице на второй этаж. По его подсчетам на втором этаже должно было быть не менее пяти человек. Неслышно вытащив меч из ножен, он поднялся по лестнице и услышал негромкую речь. Разобрать было трудно и чародей глубоко вздохнув, вышел из-за стены. Кончики пальцев привычно закололо и к его удивлению в длинном коридоре оказался всего один человек – Леонид. Командир стражи не услышал легких шагов Дакши.

Он сидел на деревянном табурете, перед решеткой одной из камер, поигрывая ножом в руке.

– Уж лучше медленный костер под тобой развести, – негромко говорил Леонид. – Всегда интереснее, когда преступник дольше мучается. А так сгоришь под снопом сухой соломы за минуту и что?

В ответ раздалось глухое мычание, окутывающее все помещение.

– Вот именно, – улыбнулся капитан, перекинув нож в другую руку. – Ни какого зрелища... Хотя, тебя за смерть девочки стоит насадить первым делом на кол, а уж потом сжечь, подпалив облитый маслом кол. Ха! Вот тут ты заворачиваешься! Ни какая хренова магия твою жопу не потушит! Что за!..

Леониду нужно было отдать должное – вскочил он молниеносно с ножом в руке, но преимущество было на стороне чародея и мечом он выбил нож из рук капитана, а следующим ударом ножны впились в его колено. Леонид вскрикнул, падая на пол и тут же получил ногой по челюсти, обмякнув около табурета.

Дакша осмотрелся и не найдя ни в одной из камер еще кого-либо, обыскал капитана, найдя на его поясе ключи. Отперев камеру, он, как и ожидал, увидел лежащего на соломе седоволосого чародея, связанного по рукам, с кляпом во рту и повязкой на глазах.

– Регенерировал? – посмотрел Дакша на руки чародея, увидев два пальца со сросшимися костями. – Да ты полон магии, как-никак!

Перерезав путы на ногах и содрав повязку с глаз пленника, Дакша поднял его за ворот плаща, поставив на ноги.

– Видишь? – продемонстрировал Дакша блестящее в редком свете лезвие меча. – Со сломанными пальцами ты много не наколдуешь, а я в случае чего отрублю их одни махом. А теперь пошли, если жить хочешь!

Седоволосый послушно зашагал, шевеля сведенными от веревок ногами. Вместе они спустились вниз по лестнице и пробежав по коридору, вышли к стене на заднем дворе тюрьмы. Выбора не было и Дакша подставил руки седоволосому, после чего резким рывком выбросил его вверх, помогая уцепиться за край стены. Разбежавшись, он и сам ухва-

тился за стену, но тут же нога чародея врезала ему по лицу, сбросив вниз на хлам. Старые столы и всякая рухлядь предательски грохнула под весом Дакши.

– Что там случилось? – раздался голос стражника у ворот. – Эй!

Дакша поднялся, сбросил шлем и перелез через стену. Краем глаза он увидел, как беловолосый чародей бросился прочь в поле, скрываясь в посевах ржи. Погоня была за спиной и Дакша бросился вслед за убегающим. Хоть седоволосый и был связан по рукам, а бежал на зависть быстро. Когда Дакша добежал до поля, то позади громогласно прозвучало: «Тревога! Тревога! Пленник сбежал!»

Чародей быстро забежал на небольшой холм в другом конце поля и съехал с него, скрывшись из глаз всего на мгновение. Дакша пересек поле очень быстро и вскоре за спиной седоволосого звякнула сталь, выброшенная из ножен. Чародей остановился, поворачиваясь к настигнувшему его противнику.

– Хочешь драться?! – прорычал он вскидывая развязанные руки. – Тогда на площади ты застал меня врасплох. Больше этого не повторится!

– Будешь драться со сломанными пальцами? – принял Дакша боевую стойку, держа в правой руке меч, а в левой – ножны.

– Тебе и этого хватит! – рыкнул седобородый, направляя на противника кривые пальца.

Дакша был глубоко поражен, получая мощнейший удар энергии в грудь, едва не повалившей его на землю. Будь у чародея все пальцы целы, то Дакша уже лежал бы если не мертвый, то без сознания. Урок был выучен и он ловко отпрыгнул от очередного удара энергии, сокращая расстояние. Но и седоволосый не собирался сдаваться и меж его пальцев сверкнули искры. Дакша бросился в атаку, на ходу выговаривая заклинание. Не успел. Одна из молний ударила его в предплечье, парализовав мышцы и выбив меч из рук. Вторая впилась в живот, скрутив пополам и прижав к холодной траве. Шаги освобожденного пленника направились к корчащемуся от боли чародею.

– Я же сказал, что не повториться! – победоносно оскандил маг, вновь ударяя молниями.

Сломанные пальцы сделали свое дело и заклинание исказилось, ударяя в сотворившего его чародея. Вспышка! Треск! Седоволосый лежал кряхтя от страшных судорог.

Перебарывая скованные болью мышцы, Дакша поднялся, дрожа всем телом.

– Рано обрадовался! – поднимая меч и приставляя его к горлу мага, проговорил он. – Не бойся, убивать не стану.

В следующее мгновение Дакша направил руки на чародея и серебряные нити с большим трудом потекли из его груди к пальцам Дакши. Чародей рычал, пытался сопротивляться, цеплялся за грудь ногтями, но остановить уже ни чего не мог. Его вдруг начало поднимать над травой в воздух, удерживая

лишь тонкими, серебряными нитями. Дакша стоял высоко запрокинув голову и с огромной скоростью осушал чародея, преобразующегося на глазах. Борода мага стала реже, белые волосы на голове поредели, оголив череп со старческими пятнами на них. Он усох на глазах, превращаясь в немощного старика, одежда на котором висела мешком.

– Х-хватит! – взмолил он старческим, дрожащим голосом.

Дакша с трудом опустил его на землю и прервал осушение одним кратким движением рук. Остатки серебряных нитей вернулись в грудь охающего старика. Дакша же возвышался над ним и чувствовалось, как воздух вокруг него слегка вибрирует, а от тела расходится едва заметное свечение.

– Что ты наделал! – выдавил старик и из его старых, морщинистых глаз побежали слезы. – Посмотри на меня... О боже... Ты... ты убил меня...

– Вовсе нет, – убирая меч в ножны, ответил Дакша. – Я мог тебя убить, но не сделал этого. Тебе на вид лет этак семьдесят. Хорошо сохранился...

– Мои... мои пальцы, – всхлипывал старик, держа перед собой вывернутые в разные стороны кости. – Что мне делать?

Дакша не ответил, лишь присел около дряхлого старика и провел рукой по его изломанным костям.

– Не нужно благодарностей, – поднялся чародей. – Будь здоров, старик.

– Убей! – хрипло раздался голос умоляющего старика. –

Не мучай! Нет мне жизни без магии!

– Не стану. Бывай.

Риги очнулся от того, что услышал чей-то голос, откуда-то снизу. Встрепенувшись, он сел на койке и пару секунд осознал где находится. За окном на ночном небе светила луна.

– Сам проснулся, – раздался голос травницы, стоящей около кровати. – Хорошо. На-ка, выпей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.